Санкт-Петербургский Государственный Университет
Факультет социологии
Кафедра теории и истории социологии

Снегирев Никита Александрович

Концепции потоковых структур в современной социологии

Специализация 390401
«Теория и история социологии»
Магистерская программа
«Современные социологические теории и школы»

Диссертация на соискание академической степени магистра социологии

Руководитель программы
д. соц. н., профессор Головин Н. А.
Научный руководитель
д. соц. н., профессор Иванов Д. В.
Рецензент
к. соц. н., доцент Бразевич Д. С.

Санкт-Петербург
2017

Оглавление

Generating Table of Contents for Word Import ...

Введение

Развитие новых технологий в производстве и в быту, уплотнение коммуникаций в их числе, частоте и разнообразии контактов, углубление разделения труда, высвобождение времени, рост благосостояния, продолжительности жизни и рост населения Земли, одновременное сосуществование различных форм рефлексии реальности, свобода слова и передвижения усложняют социальное пространство и ускоряют процессы его создающие.

Ускорение темпа движения социального преобразовывает его из относительно стабильной системы в потоковую структуру. Данные процессы провоцируют либерализацию торговли, упрощение миграционного законодательства, межкультурное взаимодействие, распространение моделей образа жизни, мировых СМИ и т.д.

Более того обозначенные процессы свидетельствуют о наращивании темпов глобализации. Глобализация продолжается и сейчас, несмотря на сопротивление национальных государств. Благодаря торговле и открытым каналам коммуникации потоки людей, информации, товаров, образов, техники и отходов пересекают размывающиеся границы государств.

Переходя от условного макро- к микроуровню, мы видим, как ценности становятся высокодифференцированными, ожидания высокими, требования немедленными, а идентичности множественными. Все это происходит из-за проникновения темпоральности в сферу повседневности. Возникает новая текучая, интенсивная и изменчивая реальность, требующая своего осмысления, изучения и дальнейшего с ней взаимодействия.

Новая социальная реальность стала причиной глобального управленческого кризиса, кризиса национальных государств, бюрократии и демократии. Управление потоками ценностей до сих пор происходит через представительную систему, накопление управленческого опыта через бюрократию, а освоение потока инноваций через сложное взаимодействие всех социальных систем. Но действующие модели устарели, они пассивны, их пропускная способность не

справляется с объемом высвободившихся ценностей, нарастающим объемом нового опыта и инноваций. Они не соответствуют текущему уровню сложности социальной системы. На практике мы видим неэффективные государственные институты мониторинга, выявления и решения проблем, которые не готовы к возрастающему напряжению и неудовлетворенности людей.

В этой связи, возникает не только исследовательский интерес к явлению, но и социальный запрос на исследование процессов, устанавливающих новый текучий порядок, и того как они воздействуют на менее текучие структуры. Так, во второй половине XX в. возникает процессуальный тренд в теоретической социологии, призванный концептуализировать происходящие процессы, сделать их эмпирически доступными для исследования.

Данная работа направленна на то, чтобы произвести теоретическое осмысление обозначенного тренда, а также на последующую разработку процессно-ориентированного концептуального аппарата в обозначенных рамках.

Для того чтобы выявить тренд и продемонстрировать развитие направления нами были созданы два идеальных типа, представляющих два противоположных подхода в социологии. Первый подход, — объектно-ориентированный, — включает в себя объектные понятия, понимаемые как устойчивые во времени и фиксированные в пространстве объекты, как, например, структуры или системы. Второй — процессно-ориентированная социология. Смысловое содержание данного подхода отражено в процессных метафорах, понятиях и концептах, указывающих на трансформации в объектах. Следует отметить, что мы рассматриваем, прежде всего, идеальные типы, это говорит о том, что работа не направлена на поиск теорий, полностью относящихся к одному из них.

Усиление процессно-ориентированного тренда в социологии определяется нами как возрастание значения употребляемых социологами концепций потоковых структур для описания и объяснения социальной реальности. Рамка, определяющая концепции потоковых структур, носит такой же подвижный и множественный характер, как и объекты, попадающие в неё.

На ранних стадиях своего существования концепция потоковых структур оформляется в социологических теориях как процессное мышление. Оно выступает оппозицией объектному или статическому взгляду на объект исследования. Далее, процессное мышление оформляется в виде конкретных концепций, например, пространство потоков М. Кастельса и текучая современность З. Баумана или методологических подходов, как реляционная онтология Б. Латура, метод-сборка Дж. Ло или мобильности Дж. Урри.

Научная проблема: в рамках классического объектно-ориентированного подхода, выделенного в данной работе как идеальный тип, современные социальные процессы не поддаются адекватному описанию и объяснению. Данные процессы и явления находятся за пределами объектной исследовательской оптики социального ученого. В этой связи, в недрах данного подхода развивается процессная ориентация, направленная на приумножающиеся изменчивые и множественные объекты. Данный процесс требует теоретического осмысления в концепции потоковых структур.

Объект — комплекс теоретических работ из области социальных наук в рамках которых рассматриваются объектно- и процессно-ориентированные концепции.

Предмет исследования — место и роль процессно-ориентированных концепций в современной теоретической социологии.

Цель: Проследить развитие процессуального тренда в современных социологических теориях**.**

Задачи:

1. Выделить два идеальных типа, представляющих противоположные тенденции в теоретической социологии: объектный и процессный;
2. Выявить концепции и понятия, указывающие на объектную ориентацию классических социологических теорий Э. Дюркгейма, Т. Парсонса и Р. Мертона;

3. Раскрыть развитие процессного подхода в теориях глобализации М. Кастельса, З. Баумана и Дж. Урри;
4. Раскрыть развитие процессного подхода в современных социологических теориях Б. Латура, Дж. Ло, Анн-Мари Мол, К. Кнорр-Цетины и др. под общим названием «акторно-сетевая теория»;
5. Оформить концепцию потоковых структур на базе рассмотренных теорий, дав определение понятию потоковых структур, пространству потоков и свойствам «текучести» данных потоков;
6. Продемонстрировать применение концепции потоковых структур на примере исследования «исторической памяти» в России.

Структура работы

Логика работы выстроена таким образом, чтобы последовательно раскрывать роль и указывать место концепций потоковых структур в социологических теориях.

Первая часть работы посвящена разбору объектно-ориентированной социологии. В качестве иллюстрации последней были использованы социологические теории, помещенные под общую рамку функционализма. Рассматриваются такие теоретические модели как метафора социального организма Э. Дюркгейма, теория систем Т. Парсонса, системно-функциональный подход в теории Р. Мертона.

Далее, в работе прослеживается развитие процессного подхода в современных теориях глобализации. Рассмотрены теории таких социологов как мобильности Дж. Урри, пространства потоков М. Кастельса, и текучей современности З. Баумана. На макроуровне исследований авторы ставят акцент преимущественно на материальных аспектах потоков. А именно на потоках людей, машин, мусора, образов, информации и технологий, перемещающихся по физическим инфраструктурам.

Наиболее значимым теоретическим пластом для процессного подхода выступает акторно-сетевая теория, которая представлена в исследовании работами

Б. Латура, Дж. Ло, Анн-Мари Мол, К. Кнорр-Цетины, Д. Харауэй и др. Данный подход в полной мере раскрывает потенциал процессного мышления. Начиная с базового онтологического уровня и заканчивая прослеживанием мельчайших операций плетения сети и путешествия по ней потоков репрезентаций.

В процессе описания существующих подходов посредством идеальных типов, развивается сама метафора потока и демонстрируется её разностороннее употребление рядом социологов. В результате, во второй части, оформляется собственный концепт потоковой структуры, в свете которого предлагается рассмотреть такой социальный феномен, как «коллективная память».

На примере изучения сетей «коллективной памяти» в России, демонстрируется процессное видение предмета исследования. Память, в данной связи, не является неким постоянным, незыблемым и независимым от политики объектом. Память представляется подвижной структурой. Сети памяти всегда находятся в состоянии противостояния друг с другом, более того, они вынуждены постоянно поддерживать существование действующей репрезентации прошлого.

В результате было установлено, что концепция потоковых структур широко используется в рассмотренных социологических теориях, что демонстрирует их эвристический потенциал. Рассмотренный работе процессуальный подход на базе концепции потоковых структур представляется адекватным ответом на вызов ускоряющейся и изменчивой реальности.

Глава 1. Процессно-ориентированный и объектно-ориентированный подходы в современной социологии

1. Объектно-ориентированные подходы в функционализме

В данной работе все социологические подходы, теории и концепции условно разделены на две категории. В первую входят подходы рамках которых используются процессные понятия и метафоры. Во вторую, подходы, ориентированные на объектные понятия. Под объектными понятиями подразумеваются устойчивые во времени и фиксированные в пространстве: система, структура, конструкт. Следует отметить, что нет полностью процессно-ориентированных или объектно-ориентированных теорий, или концепций. Скорее есть превалирующая ориентация теоретика в ту или иную сторону. Значительной объектной-ориентированностью характеризуется функционализм, основоположником которого считается Эмиль Дюркгейм. Дюркгейм был одним из первых кто на социологическом языке изобразил общество с использованием метафоры организма. Одним из наиболее крупных продолжателей его традиции был Толкотт Парсонс. Он создал массивную макросоциологическую теорию общества, раскрывая функции социального действия и социальной системы, руководствуясь базовой предпосылкой воспроизводства социального порядка, через предписанные моральные нормы. Наконец, яркий представитель функционализма Роберт Кинг Мертон, идейный наследник Т. Парсонса. Он изобрёл множество ed-hoc гипотез[1]. То есть гипотез, защищающих теоретическое ядро функционализма, в значительной степени разработанного Т. Парсонсом, от критики в статичности и чрезмерной абстрактности.

Эмиль Дюркгейм (1858–1917), французский социолог, родоначальник функционализма. Нового подхода в социологии. Он был одним из первых, кто заложил традицию изучения общества, как неизменного, статичного монолита. Изменения или развитие не отрицалось, но они вытесняются на периферию.

[1] в терминологии И. Лакатоса

Считалось, что социальные изменения являются вторичным фактом, и более важны исследования неизменных, базовых социальных законов или фактов, а также того, что нарушает порядок [13, с. 67]. В этой связи, Э. Дюркгейм утверждал, что экономические, юридические, экономические и др. социальные институты сильно изменчивы, но доступны для научного исследования. Тем самым, подспудно считая, что сильно изменчивые структуры не доступны для исследования, и это справедливо, в рамках данного подхода [13, с. 96].

Само общество в существующем виде рассматривалось, как то, что в своей сути не изменяется и должно воспроизводить себя. Об этом свидетельствует введенное Э. Дюркгеймом понятие аномии, которую он охарактеризовал, как отклонение от действующих норм, вплоть до их исчезновения в состояние безнормности. [32, с. 282]. Иначе говоря, рассматривал аномию как дисфункцию социальной системы, которая проявляется в рассогласовании морали, целевых установок и нормативного поведения. Образно говоря, общество характеризуется, как балансирующая над пропастью хаоса система, порядок которой следует поддерживать для сохранения равновесия, иначе наступит аномия. Данная теоретическая позиция может быть справедливой, если в фокусе исследования стоит неизменное национальное государство или племя, с которым отождествляется общество. Но это лишь часть социальной реальности.

Э. Дюркгейм делал акцент на солидарности, как факторе порядка в обществе. Основой солидарности в современном обществе, согласно его утверждению, является разделение труда [12, с. 415]. Тут мы видим именно объектно-ориентированный подход, в рамках которого исследовательский взор направляется на механизмы, нарушающие или поддерживающие социальный порядок. При этом, действует базовая установка о существовании общества, где под обществом понимается система, образованная ассоциацией индивидов и представляющая собой особую реальность, наделённую своими особыми свойствами [13, с. 119].

Обильное использование биологических метафор было распространенным явлением в раннем социологическом теоретизировании. Индивиды выступали

клеточками объединяющиеся в органы, а они, в свою очередь, в организм, который, либо себя воспроизводит, либо болеет, что в рамках социологии описывалось, как социальная проблема или дисфункция. Метафора организма, свойства которого переносили на органы государственного управления, безупречно справлялась со своей функцией описания координации и взаимодействия идеальных моделей социальных институтов [13, с. 13]. Но на практике, интенсификация социальных процессов и глубокое трансформации, происходящие в обществе (или обществах) не поддается адекватной интерпретации в рамках избранного пути. Кроме того, размышления Э. Дюркгейма о фактах социальной морфологии (анатомии) и физиологии, приводят его к выводу о том, что наиболее важными является именно морфологические факты, факты о структуре общества, так как общество, как особая надындивидуальная реальность развивается согласно внутренним законам, не сводимым к фактам психики или биологии [13, с. 119].

В центре внимания Э. Дюркгейма были, конечно же, институты, являющиеся социальным фактом. Институт им рассматривается как объект, а не как процесс. Это следует из его определения социологии, как науки об институтах, их генезисе и функционировании, где о развитии или трансформациях ничего не говорится, если не считать, что генезис не обретает конечной стадии. В институт Э. Дюркгейм включает все верования и порядок поведения, установленные группой [13, с. 20]. Институтами выступают государство, семья, право собственности, договор, наказание, ответственность и т.д. [13, с. 11]. Обратившись к характеристике коллективных представлений, как устойчивых явлений, мы увидим, что, институты, состоящие из этих представлений или верований и практик, являются такими же устойчивыми. Что ещё раз подтверждает тезис об объектно-ориентированном подходе в социологии Дюркгейма, конечно же, он не исключает процессуальноть, но она выносится за пределы магистральной линии исследования.

Толкотт Парсонс (1902–1979) является основоположником функционального подхода в социологии, который был развит Р. Мертоном. Также

носит название — структурно-функциональный подход. В своей работе «Система современных обществ» Т. Парсонс выстроил массивную теоретическую конструкцию, в рамках которой описывал социальное действие и современное общество, как подсистему системы действия. Под обществом, Т. Парсонс понимал социальную систему, которая имеет высокую степень стабильности отношений взаимообмена со средой, состоящей из других систем, а также имеет способность контролировать данный процесс взаимообмена в интересах осуществления интегративной функции [37, с. 20].

Структуру социального действия Т. Парсонс излагает, опираясь на теоретическую модель, состоящую из четырех подсистем: социальной, культурной, личностной и подсистемы поведенческого организма. Данным четырем подсистемам соответствуют четыре функции: интеграции, воспроизведения образца, целедостижения и адаптации. Данная модель носит название AGIL. Акроним AGIL расшифровывается как A — adaptation (адаптация), G — goal (целеполагание), I — integration (интеграция) и L — latency (латентная ф-я или воспроизводство образца). Функцию интеграции и координации индивидов и коллективов во взаимодействии выполняет социальная подсистема. Культурная подсистема воспроизводит, использует, сохраняет и изменяет комплекс символических значений-кодов, структурирующих взаимодействие. Личностная подсистема, как главный субъект действия, на базе своих потребностей вырабатывает мотивацию, выстраивая цели. Подсистема поведенческий организм выполняет функцию адаптации, как биологическая основа остальных подсистем, состоящая из воспринимающей и обрабатывающей информацию центральной нервной системы и механизма двигательной реакции на стимулы среды [37, с. 16].

Переходя на макроуровень, от действия к системе, Т. Парсонс применяет ту же модель. Общество, или социальная система, состоит из четырех подсистем: социетальное общество, воспроизводство образца или фидуциарная подсистема, иначе говоря — культура, политическая и экономическая подсистемы. В данной теоретической концепции реализован принцип матрешки, когда в один из четырех

компонентов модели включены все четыре компонента, таким же образом в один компонент уровнем ниже включены все четыре и т.д. Так, центральным элементом в обоих моделях социальной системы и действия является подсистема, выполняющая интегративную функцию. Подсистема социетального общества соответствует социальной подсистеме действия, подсистема политическая соответствует личностной, фидуциарная — культурной, а экономическая соотносится с поведенческим организмом в системе действия. Данные подсистемы выполняют идентичные функции, с тем же распределением [37, с. 24].

Для анализа социальных систем, как систем, образующихся в последствии социального взаимодействия двух субъектов, Т. Парсонс использует переменные: ценности, нормы, коллективы и роли. Ценности выполняют функции сохранения и воспроизводства образца, соответствуя фидуциарной подсистеме. Именно ценностями индивиды руководствуются, когда принимают решения о действии. Нормы обеспечивают интеграцию социальной системы или социетального общества. На нормах возводится социальная система. Нормы выступают способами ориентации для дальнейших действий, они конкретны и специализированы. Коллективы, как структурный компонент политической подсистемы, выполняет функцию целедостижения. Коллектив отличается от совокупности индивидов тем, что существуют критерии отбора или различение — «свой/чужой», а сам коллектив дифференцирован по статусам, ролям и функциям. И, наконец, последняя переменная — роль, реализует функцию адаптации, посредством взаимных ожиданий индивидов. Роль выступает компонентом экономической подсистемы, повышая её адаптивный потенциал [37, с. 18–19].

Итак, рассмотрев базовую теоретическую модель структуры социальной системы и социального действия, можно сделать вывод, что данная модель сосредотачивает все своё внимание на аспектах воспроизводства существующей системы. Отчетливым маркером данной ориентации выступает характеристика общества как системы, способной обеспечить высокую степень стабильности отношений взаимообмена со средой. Конечно, в теории Т. Парсонса также

рассматриваются процессы развития. Например, в своей четырехфакторной модели общества, социолог привод аспекты процесса развития социальной системы: включение, генерализация ценностей, дифференциация, повышение адаптивного потенциала. Рассматривая данные аспекты более подробно, мы приходим к выводу, что каждый из них направлен так же на воспроизводство действующей системы.

Данный Т. Парсонсом теоретический инструментарий безусловно полезен в проведении исследований социальных систем, если мы исходим из парадигмы социального порядка, а не парадигмы непрерывного изменения общества. Ведь кроме статичной модели, Т. Парсонс аксиоматично использует понятие социальной системы, которое обладает весьма слабым эвристичным потенциалом в исследованиях социальных процессов в современных обществах.

Роберт Кинг Мертон (1910–2003), американский социолог продолжил традицию Т. Парсонса. Опираясь на критику модели социальной системы Т. Парсонса, он добавил концептуальные элементы поддерживающие теоретическое ядро. Как, например, концепт дисфункции, объясняющий возможные конфликты между различными социальными системами. Данные концепты, были направлены на то, чтобы включить в функциональный анализ динамизм, которого недостаёт теоретической модели Т. Парсонса. В остальном, теоретический подход Р. Мертона такой же объектно-ориентированный, как и рассмотренные выше, что отражено в концепции латентных функций и понятии аномии. Следуя традиции функционализма и социологизма Мертон стремился обосновать девиантность поведения не индивидуальными патологиями отдельных людей, а «культурной структурой» [32, с. 231].

Мертон предложил введение разделения функций на явные и латентные по причине ошибочного отождествления субъективных мотивов и объективных функций, как последствий действий, в функционализме. Подобное различение уже было сделано до него Э. Дюркгеймом [13, с. 112], но, тем не менее, существовал понятийно-терминологический беспорядок в социологии вокруг термина «функция» [32, с. 106]. Под явными функциями Р. Мертон понимал

субъективные осознанные мотивации и цели, опирающиеся на потребности индивида. Напротив, в качестве латентных функций выступают объективные функциональные последствия действий группы, ведь социальные контакты внутри неё не ограничиваются общей целью. Иными словами, последствия коллективных действий не обязательно должны совпадать с номинально заявленными группой целями. Данное неосознанное поведение структурируется повторяющимися практиками, в конечном счете, направленными на удовлетворение неизменных потребностей [32, с. 158–162].

Положение о латентной функции, прекрасно раскрывается на примере американской политической машины, где «партийный бос» выполняет функции медиатора или человека, который согласовывает интересы различных групп. В тот период, когда Мертон проводил исследования, американское общество было выстроено таким образом, что, например, для постройки крупной железной дороги, проведения инфраструктурного проекта или стройки необходимо было согласование с другими участниками рынка и властью, или, на юридическом языке, был необходим сговор. Синдикаты образовывались потому, что иначе, в рамках данной системы, невозможно было реализовывать свои функции. Так же обстоят дела и с согласованием работы нелегального бизнеса: преступность, рэкет, проституция, торговля наркотиками и т.д. Совершенно бесполезно бороться с коррупцией, если она структурно необходима для всех форм бизнеса. Так же не имеет смысла уничтожение преступных синдикатов, т. к. возникший социальный вакуум будет необходимо заполнить вновь [32, с. 183].

Как видно, внесение Р. Мертоном понятий латентной и явной функций не привнесло в функционализм большей динамики, хотя, безусловно, расширило теоретический инструментарий для изучения статичных социальных структур и явлений в уже существующей системе норм и социальных институтов.

Другим понятием, отражающим объектную ориентацию Р. Мертона, является понятие аномии. Согласно Р. Мертону социальная структура или культура определяет цели и приемлемые способы достижения этих целей, которые регулируются нормами, укорененными в нравах и институтах [32, с. 245]. В

данной связи аномия социологом рассматривается как расхождение между культурными нормами и социально структурированным возможностями членов групп действовать в соответствии с данными нормами культуры [32, с. 284]. Иначе говоря, явление социальной структуры, которое воздействует на индивида таким образом, что он вынужден нарушать установленные культурой нормативные предписания.

Р. Мертон предлагает следующую типологию форм приспособления к разрыву/соотношению между культурными целями и социально одобряемыми средствами их достижения: конформность, инновация, ритуализм, бегство и мятеж.

Индивид может менять форму адаптации в зависимости от того в какую сферу социальной реальности он включен. Так, чем общество более стабильно, тем более распространена конформность. В состоянии конформности индивид принимает как цели, так и средства предоставленные в рамках культуры.

Далее следуют формы адаптации к состоянию аномии, именуемые как девиантное поведение. Когда в обществе нарушена вертикальная мобильность, или институциональные барьеры не дают добиваться целей, то превалирует инновационный тип. Напротив, если цели становятся малозначимыми, или тают за рутиной, возникает ритуальная форма приспособления, где индивид все внимание уделяет средствам. Как, например, бюрократ, ритуально следующий уставу, даже тогда, когда это препятствует цели, ради которой организация, в которой он работает, была учреждена. Такая форма адаптации как бегство возникает как следствие выпадения индивида из общества, с полным отказом с его стороны от целей и средств. И, наконец, последняя форма адаптации — мятеж. Мятеж возникает как реакция индивидов на неприемлемые для них ценности в виде целей и средств их достижения, с желанием установить иные ценности, которым они сами следуют [32, с. 255].

Итак, из пяти рассмотренных форм адаптации индивида четыре последних: инновационное, ритуальное, бегство и мятеж представляют собой формы девиантного поведения, как адаптации к состоянию аномии. Р. Мертон

противопоставляет их конформистской форме поведения. Только конформное поведение принимает заданные культурой цели и институционализированные средства, в отличии от остальных отбрасывающих что-то одно или все сразу, как в случае с бегством или мятежом [32, с. 231].

Понятие аномии указывает на то, что существует некий порядок и отличное от него состояние отклонения, в виде расхождения норм и возможностей. Соответственно, поведение в состоянии аномии рассматривается как девиантное, ненормальное. Подобный угол зрения не приемлем, особенно для современного общества, когда иного кроме как состояния аномии не существует, а локальные и короткие периоды порядка рассматриваются как аномалии или идеологические конструкции, которыми одна группа стремиться подчинить другую.

Рассматривая аномию как теоретическую концепцию Э. Дюркгейма, мы обозначили её как признак объектно-ориентированной теории. Такой теории, которая сосредотачивает своё внимание на едином нормативном поле. В изложенной выше концепции Р. Мертона, данный аспект аномии ещё более отчетливо иллюстрирует данное утверждение. Раскрывая понятие аномии, мы сталкиваемся с определенными доминирующими нормами, которые установлены в рамках определенной культуры. В современном обществе существует множество альтернативных друг другу групп, которые производят альтернативные ценностные наборы, при этом, эти ценности трансформируются изнутри в процессе их передачи и распространения. Теория обозначающая определенные ценности как главные, а остальные как вторичные, подспудно легитимирует первые, остальные определяя, как маргинальные.

Алвин Гоулднер (1920–1980). Одним из наиболее известных критиков функционализма Т. Парсонса и Р. Мертона является А. Гоулднер, многие тезисы которого направленны именно против объектно-ориентированности функционализма. А именно, критика разворачивается против приверженности к исследованию предписанных нормативных рамок и социального порядка, легитимированного моралью.

А. Гоулднер утверждает, что Т. Парсонса интересуют не социальные закономерности, а моральные нормы, согласно которым должны выстраиваться социальные отношения. При этом, любые отклонения от конституируемых культурой норм подразумеваются как маргинальные и несущественные [11, с. 287]. Сфера должного или предписанного доминирующей социальной группой часто находится за пределами большей части человеческого поведения. Как, например, ненормативное поведение на базе биологических инстинктов или действия, опирающиеся на латентные идентичности расы, пола, этноса, религии [11, с. 289].

Кроме критики ориентации на нормативное, А. Гоулднер критикует сосредоточенность функционалистов на поиске и изучении социального порядка. Ориентация на социальный порядок предполагает предпочтение структурам, а не процессам. Кроме того, стремление функционалистов к социальному порядку напрямую связанно со стремлением морально обосновать необходимость сохранения действующих институтов, закрепляющих неравенство в данном распределении богатства. При этом, если говорить о Э. Дюркгейме и Т. Парсонсе, функционалисты считают, что альтернативой действующему порядку выступает хаос [11, с. 292–296]. Хотя, в действительности, с концом действующего порядка приходит иной порядок, так, например, утверждал Р. Мертон, описывая такую форму аномии как бунт [32, с. 317]. Завершая свой пассаж А. Гоулднер пишет о функционализме, как о консервативной парадигме в социологии. Функционализм консервативен тем, — пишет социолог, — что выполняет задачу теоретического сопровождения порядка в индустриальном обществе вступая в альянс с государством всеобщего благоденствия [11, с. 387].

В самой теоретической социологии существование устойчивых структур и порядка отрицать нельзя, так-как их существование подтверждается эмпирически многочисленными исследованиями. Но подход к исследованию порядка лишен объяснительного аппарата для исследования гибридов, конфликтов, ненормативных действий, изменений систем и институционализации. Именно по этой причине, во второй половине XX в. в теоретической социологии стали

больше уделять внимания именно динамичным аспектам социального и социальному изменению.

1.2. Процессно-ориентированное теоретизирование в исследованиях глобализации

В период конца XX в. и начала XXI в. в теоретической социологии наблюдается тренд на смещение акцента с объектов, систем, вневременных структур к структурам динамичным, процессным понятиям, таким как поток, течение, мобильность или пространство потоков. В данном разделе рассматриваются исследования процесса глобализации таких социологов как Мануэль Кастельс, Джон Урри и Зигмунд Бауман с целью раскрытия процессно-ориентированного подхода в теоретизировании. Необходимость в использовании процессных понятий во многом обусловлена изменениями, происходящими как на социетальном или глобальном уровне общества, так и на уровне микровзаимодействий. На рубеже XX–XXI вв. накопилось огромное количество фактов о событиях и протекающих процессах, не вписывающихся в статичные рамки. Многие теоретики ранее уже предпринимали попытки использовать процессуальные понятия во второй половине XX в. но они были не столь широко применимы как действующие на данный момент. В целом, внимание теоретических исследований было направленно на статичные, воспроизводящиеся структуры или системы. Начиная с XXI в. наблюдается тренд в использовании процессных понятий и характеристик. В данной работе рассматриваются концепции наиболее весомых и популярных теоретиков, которые внесли ощутимый вклад в популяризацию процессных метафор или понятий. Первой из трех проанализированных работ была работа М. Кастельса «Подъем сетевого общества», в русском варианте она носит название «Информационная эпоха:

экономика, общество и культура», привнесла в теорию концепцию «пространства потоков». Второй, работа автора постмодернистского направления в социологии З. Баумана «Текучая современность», в ней автор даёт широкую характеристику общества через метафору текучести. И наконец, третья работа Дж. Урри «Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия», её можно по праву считать самой важной в данном направлении, так как автор предлагает оформить текущее «мобильное теоретизирование» в парадигму.

1.2.1. Пространство потоков

Процессное понимание социальных явлений, в совокупности с концентрацией внимания на процессах отрыва объектов от мест, характерно для многих современных социальных теоретиков. Как, например, преодоление физического пространства у Дж. Урри и А. Аппадураи, или преодоление пространства символического у М. Кастельса [46, с. 210].

Кастельс является одним из крупнейших и влиятельнейших теоретиков глобализации, который сделал весомый вклад в процессный подход, в частности, разрабатывая теорию пространства потоков, с последующим её использованием для анализа взаимодействия пространства, общества и технологий [16, с. 335].

Коммуникационная революция, о которой писал Кастельс, как мировое явление, указывает на грандиозные изменения в обществе. Коммуникации расширили свой функционал, возможности и сферу охвата, благодаря распространению интерната и массовой компьютеризации, которая продолжается до сих пор. Результатом данной революции стало возникновение пространства потоков, что аккумулирует функциональность, ресурсы и власть [6, с. 216–217].

Теория пространства потоков. Для понимания сути теории пространства потоков М. Кастельса, прежде всего, необходимо обозначить, что он понимает под пространством. Итак, М. Кастельс понимает пространство, как выражение общества. Он утверждает, что географическое положение и само общество выстроены вокруг потоков капитала, информации, технологий,

организационного взаимодействия, изображений, звуков и символов [16, с. 385]. Так, выражение общества реализуется в процессе непрерывного созидания пространства под воздействием динамики социальный структуры. Если рассматривать процесс выражения общества как временной поток, то его затвердевание в материально выраженном пространстве потоков можно обозначить «кристаллизация» в «застывшее» время [16, с. 385; 35, с. 58].

Сама же логика динамики социальных процессов, согласно предположению, М. Кастельса, основана на доминирующих интересах той или иной социальной группы. В данном случае, в качестве такой социальной группы выступает менеджерская, технократическая и политическая группы. В качестве характерных и ключевых особенностей данной группы можно выделить: космополитизм, детерриториальность, сверхвысокую мобильность, обладание властью и богатством. Группы с подобным набором характеристик принято называть элитами. Эта элита формирует направленные потоки коммуникаций, финансовых ресурсов, власти, которые, в свою очередь, создают вокруг себя пространство потоков [16, с. 388–389]. Под потоками М. Кастельс понимает «целенаправленные, повторяющиеся, программируемые, последовательности обменов и взаимодействий между физически разъединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества», исходя из этого пространство потоков — это «*материальная организация социальных практик в разделенном времени, работающих через потоки*» [16, с. 386]. Таким образом, небольшая группа обладающих властью и ресурсами элит в процессе обмена и взаимодействия между собой в разных структурах общества создают определенную форму материальной инфраструктуры, которая поддерживала бы данные практики.

Конфликт с пространством мест. В своей работе М. Кастельс пространство потоков аналитически противопоставляет пространству мест. Под местами понимается — территория, форма, функция и значение которой содержится в границах физической близости [16, с. 394]. По сути, местами выступают пространства или, как утверждает Кастельс, общества, исключённые

из глобальной системы разделения труда, жизнь которого сосредоточена в рамках своих границ. Другими словами, это локальное пространство культурных и социальных значений. В таком пространстве мест проживает большая часть населения Земли. Населения, которое конструирует свою локальную идентичность, в противоположность идентичности глобальной — космополитической. Так, возникает противоречие и неравенство между локальными идентичностями и властью, сконцентрированной в глобальных потоках [6, с. 216].

С другой стороны, можно рассмотреть соотношение мест и потоков через призму концептов скорости и темпа, как единиц измерения общественной жизни. Глобальные потоки позволяют с огромной скоростью перемещаться по всему миру и связываться в любое время по необходимости. В тоже время места исключены из этого процесса. Такие места являют собой «образ нищеты», и именуются «нежизнеспособными». Такими местами могут быть деревни, города и даже целые страны, откуда просачиваются потоки беженцев. Так, в рамках процессного подхода, используя характеристику скорости можно выявить «имущих» и «неимущих» [35, с. 59–60; 46, с. 211].

Противопоставление пространства мест и пространства потоков даёт более глубокое понимание сути пространства потоков, как пространства, функции которого сосредоточены на одновременных социальных практиках, *необусловленных пространством.* Так, пространство и расстояния лишились абсолютных расстояний. Теперь расстояние выступает функцией медиума, выбранного для передачи сообщения. Например, сообщение, доставляемое по почте, на автомобиле, или сообщение, отправленное через интернет, преодолевает одинаковое расстояние, но с разной скоростью. Следовательно, одинаковое пространство, не имеет смысла измерять в абсолютном расстоянии. В качестве альтернативной единицы предлагается скорость коммуникации. Абсолютное расстояние в пространстве потоков преобразовывается в совокупность разных расстояний, зависящих от средства доставки предмета обмена или субъекта взаимодействия [35, с. 58–59].

Трехуровневая структура пространства потоков. Обрисовав основные контуры теории пространства потоков М. Кастельс предлагает её наполнить реальной инфраструктурой, которую он разделил на три базовых уровня: материальная опора, узлы сети и глобальная элита.

Первый уровень именуется им как материальная опора, состоящая из электронных импульсов, хотя электронными импульсами данный слой не обходится, так как в его рамках протекает не только информация или энергия, но и материальные ресурсы и люди. В качестве примера материальной опоры социолог приводит: микроэлектронику, телекоммуникации, системы вещания и высокоскоростного транспорта и компьютерную обработку [16, с. 386].

Второй уровень пространства потоков включает в себя, так называемые узлы или коммуникационные центры. Потоки, как указывалось выше не являются чем-то материальным, это совокупность смыслов, конституированных обществом, которые перетекают между акторами используя пространственную инфраструктуру. В данном виртуальном пространстве смыслов образовываются виртуальные города, или узлы сети пространства потоков. Понятие виртуального города не используется М. Кастельсом. Использование данного понятия помогает раскрыть суть процессного характера материально выраженных городов, в типологии пространства потоков М. Кастельса. Итак, виртуальный город — это определенный смысл и функции, которыми надеются определенные пространства или места в сети пространства потоков. Из этой характеристики проистекает процессный характер виртуального города, так-как смыслы в современном обществе чрезвычайно подвижны и зависят, в данном случае, от режима конкуренции и сотрудничества. Другими словами, виртуальные города «оседают» в материально выраженных городах или пространствах, которые М. Кастельс разделил на целую плеяду полисов, выделенных М. Кастельсом: регионы-метрополии, мегаполисы, метрополисы, технополисы; кроме того, сюда можно отнести, также коммуникационные центры (аэропорты, гавани, торговые центры, телекоммуникационные центры, вокзалы).

Рассматривая более детально некоторые из представленных им узлов, рассмотрим понятия региона-метрополии и мегаполиса. Пространство потоков как сетевая структура состоит не только из городов, но и из целых регионов-метрополий. Такие регионы имеют более одного центра, и эти центры, как правило, выполняют разные функции. В радиусе данных регионов расположены не только города, но сельская местность. Таким образом, в подобных образованиях происходит тесная интеграция по сетевому принципу глобального и локального [6, с. 216].

Мегаполис — это управленческий узел, его можно соотнести с «глобальным городом», который М. Кастельс обозначил как «процесс, посредством которого центры производства и потребления развитых услуг и местные общества, играющие при них вспомогательную роль, связываются в глобальный сети на основе информационных потоков, одновременно обрывая связи с районами, удаленными от промышленного центра.» [16, с. 363]. В данном определении М. Кастельс прямо утверждает процессных характер глобального города, вынося его из сферы географии или какой-либо стабильности.

К метрополисам можно отнести «информационный город», который М. Кастельс определяет, как процесс, в котором структурно доминирует пространство потоков. Информационный город представлен примером американского пригорода, именуемого «Эдж Сити». Доминирование пространства потоков в данных городах проявляется в ориентации на коммуникационные сети в виде автомагистралей и спутниковой системы связи, а не территориальную близость. Данные города строятся, прежде всего, с учетом максимизации доступности к важнейшим элементам инфраструктуры пространства потоков [16, с. 374–376].

И, наконец, технополисы рассматриваются в рамках понятия «производственных потоков». Производственные потоки — это ситуативно иерархическое, индустриальное, сетевое пространство, выстроенное вокруг потоков информации, пребывающее в постоянном изменении в зависимости от режимов кооперации или конкуренции отдельных его элементов (фабрик,

технологических кластеров) сети [16, с. 369]. Функции сетей определяют характеристики её узлов-мест. Иными словами, места обретают свои достоинства или недостатки в зависимости от относительного расположения в интегрированной сети других мест [16, с. 387]. Производственные потоки ещё более четко прочерчиваются если к метафоре «сети», ещё добавить понятия «информация» и «капитализм». В результате, в основе сетевого устройства капитализма лежат потоки информации, которые многократно усиливаются технологиями телекоммуникации, в частности через интернет. Так, расширяется не только объем знаний и управленческой информации, но и возможности мгновенного принятия решений и смены поставщиков. Данная ситуация делает возможной проектную организацию бизнеса. Итак, производственными потоками руководят бизнес-проекты включают малые, средние и крупные организации-звенья бизнес-сети. Реализация проекта деактивирует одни элементы сети, и в тоже время активирует другие. Таким образом, происходит процесс динамической реконфигурации бизнес-элементов, где единицей производства выступает бизнес-проект. У таких динамических сетей есть значительное преимущество перед иерархическими системами организации, в их подвижности и адаптивности, способности менять формы организации, изменяться вместе со средой и эволюцией своих собственных узлов [39, с. 84–86].

Так, М. Кастельс раскрыл суть узлов сети пространства потоков, через такие процессы, как «глобальный город», «информационный город» и «производственный поток», как смысловое выражение действующей диспозиции или конфигурации разрозненных в пространстве позиций социальных акторов.

Последний, третий уровень, следующий после материальной основы и узлов сети потоков относящийся к пространственной организации доминирующих элит. Данный вид элит, как раз и состоит из главных акторов создающих и направляющих потоки. В данный вид элит входит, прежде всего, политическая элита, финансовая, менеджерская и технократическая. Как уже отмечалось выше, данная группа выступает генератором потоков власти,

информации и ресурсов, двигающихся в пространстве потоков и одновременно создающих его [16, с. 388–389].

Итак, М. Кастельс разработав теория пространства потоков внес значительный вклад в процессно-ориентированный подход теоретизирования в социологии. Представив пространство потоков как материальную основу практик взаимодействия на базе смыслов, исходящих от акторов обладающих властью и ресурсами. Данный подход позволяет выявить неравенство между пространствами мест и пространством потоков, выявить возникающее между ними напряжение. Кроме того, данная теория отлично характеризует логику функционирования современной сетевой экономики, основанной на информации и мгновенной коммуникации.

1.2.2. Текучая современность

Следом за М. Кастельсом З. Бауман публикует свой труд, в котором современность он охарактеризовал как текучую среду. Саму текучесть он определил, как качество жидкостей и газов, находящихся в процессе непрерывного изменения [2, с. 7]. Будучи представителем постмодернистского направления в социологической мысли, он категорически констатирует разрыв с индустриальным обществом, и с любыми формами устойчивых структур. Провозглашая при этом текучесть, как непостоянство, неуверенность, изменчивость легкость или подвижность, главным свойством современности и главной метафорой современной эпохи [2, с. 8; 46, с. 210-211].

З. Бауман пишет, что для жидкости важно время, тогда как для тела — пространство [2, с. 8]. Так, подобно размышлениям М. Кастельса о пространстве, З. Бауман сосредотачивает свое внимание на соотношении времени и пространства, как важнейшего противопоставления, выявляющего суть текучей современности. Время, по выражению, З. Баумана в войне с пространством отвоёвывает скорость. Тут говорится о скорости преодоления пространства или времени необходимом на его преодоление. Развитие технологий позволяет

сокращать данное время, вплоть до одновременности, когда информация может быть доставлена в любую точку мира с подключенным интернетом со скоростью света, практически, за одно мгновение [2, с. 15]. В таком случае важна уже не скорость проходящего процесса, а количество синхронно протекающих процессов.

Текучесть как свойство модерна. Бауман указывает на то, что характер современности, как, собственно, всей эпохи модерна в целом, текуч. Ведь весть проект модернизации традиционного общества был направлен, как сто пятьдесят лет назад было провозглашено в «коммунистическом манифесте», на «расплавление» твердых социальных структур в виде повседневных практик, технологической и материальной базы, системы норм и социальных связей. Исключительность современного состояния модерна, как и современной ситуации перед теоретической социологией — это предельно критичное размывание процессом модернизации последних социальных структур, оставшихся после традиционного и индустриального обществ. Бауман пишет о недостижимости социальной структуры или системы, и о неструктурированном текучем состоянии обстоятельств реализации жизненных принципов, как причинах, провоцирующих необходимость разработки нового набора процессных метафор [2, с. 9–14].

В своей работе З. Бауман противопоставляет порядок беспорядку. Где под порядком понимается упорядоченность и предсказуемость. На примере «жесткого» и «мягкого» капитализмов социолог демонстрирует данный переход капитализма из жесткого в мягкое состояние. Пользуясь популярным примером организации труда и капитала на фабрике по производству автомобилей Генри Форда, З. Бауман иллюстрирует тяжеловесность, неподвижность и укоризненность индустриального общества, общества массового конвейерного производства на гигантских фабриках, с которыми рабочие связывали всю свою жизнь. М. Кастельс проводил подобную параллель, проводя её дальше до современных фабрик японской корпорации Тойота, так же занимающейся производством автомобилей. Обозначив качественный переход понятием «Тойотизм», как признака нового текучего типа организации труда и капитала.

Продолжая иллюстрацию жесткого капитализма З. Бауман привод пример того, как идеология жесткого капитализма была выражена в теории «социальных систем» Т. Парсонса, которая должна была воспроизводится «центральным набором ценностей» или в концепции «жизненного проекта» Сартра, который выступал магистральной линией жизни для индивида [2, с. 62–67]. В данном обществе индивиды так же не свободны, как и в традиционном, выполняют свои функции, находясь под контролем рационализаторской бюрократичной машины. Но с развитием модерна, приходят новые формы организации общества, ещё более подвижные и независимые. Бауман провозглашает конец идеологии, этатизма, паноптикума и прочих элементом антиутопий, против которых боролись левые интеллектуалы, провозгласив текучую современность. Современность, в которой каждый индивид более свободен, чем когда-либо был ранее, и, соответственно, несет больший груз ответственности [38, с. 67–70].

Рядом с понятием «жесткого капитализма» З. Бауман употребляет понятие «тяжелой современности», характеризуя ушедшую эпоху. В данное понятие он, прежде всего, вносит такую характеристику как размер. Именно размер выступает мерой эффективности, богатства, власти и контроля. Но, с другой стороны, размер является и выражением неповоротливости и низкой мобильности. В данной перспективе время заморожено производственным распорядком, тем самым привязывая труд к земле, а труд, в свою очередь, связывал капитал. Таким образом система действительно приобретала образ тяжелой или жесткой современности. Противоположным по смыслу является понятие «легкой современности», которая пришла с современным телекоммуникационными технологиями, позволяющими осуществлять все управленческие операции мгновенно, игнорируя пространство. Так, режим современности переключается с размера, как пространственной категории, к мобильности и одновременности, как процессных категорий времени [2, с. 124–129]. Мобильность обретает былую ценность. Сегодня не размер генерирует капитал, а мобильность, и наоборот. Данная ценность дана не всем и перераспределяется не в равной степени, из чего следует неравенство [15, с. 102]. Возможно именно возврат к идеологии мобильности, когда стабильность или

неподвижность ассоциируется с бездействием и, как следствие, с последующим неуспехом, обусловлен с мобильным поворотом [48, с. 1469].

Последствия текучести. Возвращаясь к характеристике текучести нельзя обойтись лишь констатацией технологического развития. Ведь технологии лишь инструмент реализации чего-то иного. В данном случае, реализуется выбранная индивидом цель, которая принесла бы ему счастье, на данной реализации и основывается текучесть. Текучесть возникает из-за того, что подобная цель не достижима, ибо сопряжена с остановкой на достигнутом. Таким образом действует установка на приоритет движения перед целью. Подобная ситуация напоминает броуновское движение, только вместо скопления частиц наблюдаются огромные массы людей во всех частях света с различными целями и траекториями их достижения. Следуя данной логике долгосрочные планы и тренды невозможны [38, с. 70], ведь вероятность запланированного или спрогнозированного исхода очень низка из-за факторов случайности и сложности.

Характеризуя текучую современность, автор приводит в пример трансформацию профессиональных и семейных отношений в США. Первые теряют свой стабильный характер, которым они обладали в индустриальном обществе. Человек более не связывает свою жизнь с работой на одном заводе. Средний американец, по утверждению автора, за жизнь меняет работу одиннадцать раз. В семье дела обстоят похожим образом. Наиболее приемлемым вариантом выступают отношения в формате: «пока вместе, а дальше будет видно». Но данная пугающая своей интенсивностью и непредсказуемостью социальная ситуация не выливается в аномию. Общество функционирует «нормально», люди выработали привычку легкого отношения к постоянной смене ролей, работ и партнеров [38, с. 71].

Описывая современную элиту З. Бауман характеризует её как кочевую, утверждая, что она подобно древним кочевым воинам правит оседлыми народами занимающимися сельским хозяйством. «Кочевой образ жизни» является рациональной адаптивной поведенческой стратегией, экстратерриториальные субъекты концентрируют все больше власти [38, с.74]. Также социолог

утверждает то, чтобы власть могла быть текучей, необходимо обеспечение предельного снятия границ, барьеров и пропускных пунктов, разрушая сети социальных обязательств [2, с. 20–21].

В совокупности З. Бауман очерчивает текучую современность, как социальное пространство без социальных структур, каких-либо жестких регуляторов; как пространство мгновенной коммуникации всех со всеми. В такой современности процессы протекают чрезвычайно быстро, а новые социальные структуры не успевают на долго задержаться, поэтому данная современность именуется как текучая [2, с. 20–21]. Позиция З. Баумана для социологического сообщества слишком радикальна, и поэтому встретила много критики [48, с. 1472–1473]. В частности, автор производил некорректную экстраполяцию опыта наблюдений за жизнью западного общества, в частности Великобритании, в Лондоне, на весь мир и драматизировал наблюдаемые тенденции, не учитывая возможностей рефлексии текучего состояния и изменения вектора развития.

1.2.3. Поворот к мобильности

Исследуя феномен глобализации, Дж. Урри широко использует процессную метафорику. Среди данных процессов он выделяет провозглашение необходимости свободного передвижения капитала сквозь границы национальных государств, и рассмотрение людей, денег, капитала информации, идей и образов как потоков, которые текут по каналам (скейпам) в сложной коммуникационной сети [42, с. 25–26].

Понимание самого общества Джоном Урри отражено в приведенной им же цитате американо-британского социолога — Майкла Манна, который характеризует глобальное общество как глобальную силовую сеть по которой проходят волны власти перераспределяя массы людей, ресурсов и информации. Представленная метафорика очень близка теории потоковых структур М. Кастельса. Она исключает традиционное понимание обществ, как государств, но на замену им выдвигает концепт мобильности. То есть общество понимается как

совокупность мобильностей, или, другими словами, совокупность процессов, практик или действий, непрерывно трансформирующих объекты, на которые направлен взор исследователя.

В своей работе Дж. Урри предпринял попытку обосновать необходимость поворота к мобильности в социологии и других общественных науках, выступая за междисциплинарный подход [41, 52]. В рамках данного поворота Дж. Урри предлагает использовать процессные метафоры: сети, потока, текучей среды и перемещения [39, с. 87; 42, с. 39].

Цитируя философов Башляра и Деррида Урри утверждает, что конституирование субъектов всегда происходит посредством форм текучести, и невозможно в рамках статичных структур [42, с. 45].

Возрастающая процессуальность культуры приводит к тому, что конечные выводы исследований, сконцентрированных на её статичных компонентах, неполноценны [15, с. 103].

Урри утверждает необходимость отказа или переопределения понятия общества. Ведь глобальные сети и потоки, проходящие сквозь и через общества, размывают их, и ранее способные на самовоспроизводство социальные стабильные структуры [39, с. 88]. Вместо обществ более продуктивно сосредоточится на сетях, потоках и гибридах людей, вещей, понятий, ценностей, связей и т.д. Данные гибриды на уровне планеты глобальны и стоят на гране хаоса. Возросшая нелинейность и сложность социальных систем, их постоянное движение бросает вызов обществу в виде рисков и необходимости новых инструментов для её познания [43, с. 235]. Поэтому важно найти наиболее удачные, с аналитической точки зрения, формы текучести с помощью которых возможно пронаблюдать данный процесс.

Мобильность и липкость. Понятие мобильности в социологии имеет достаточно длинную историю. И принципиально важно различать классическое понимание данного понятия от провозглашаемого в роботе Дж. Урри. Начиная с работы П. Сорокина «Социальная мобильность»[2] и до недавнего времени

[2] Работа была написана в 1927 г.

мобильность понималась как вертикальная либо горизонтальная мобильность в социальном пространстве классов или страт. Если изучалось физическое перемещение, то исключительно, как перемещение из пункта А в Б, в рамках миграционной социологии или урбанистки, где пространство не содержало никакого смысла. Но параллельно с этой существовала и другая традиция исследующая мобильность как фактор формирования идентичности у Г. Зиммеля или как фактор социальной дестабилизации и роста городов в Чикагской школе. Но данные подходы в изучении мобильности остались на уровне маргинальных субдисциплинарных направлений.

Далее, динамику социологического теоретизирования можно проследить по двум векторам — «за» и «против» мобильности. По двум крайним позициям. Один из них условно можно назвать «оседлым» подход. Представлен он в основной своей массе З. Бауманом. В рамках данного подхода мобильность сама по себе отвергается как нечто деструктивное, угрожающее местам и идентичностям, вызывающее опасения и неуверенность. Представители данной позиции отдают предпочтение иллюзорной стабильности и определенному смыслу. С другой стороны, выступает «номадизм» или «кочевничество». Данный подход настаивает на ничем не ограниченной подвижности в совокупности с отрицанием любого фундаментализма или традиции. Номадизм плохо сочетается с эмпирическими фактами, ведь наблюдая за мобильностью мы видим, что доступ к перемещениям не равен, существуют барьеры и разнообразные каузальные связи [48, с. 1472–1473].

Некоторые социологи предлагают внести уравновешивающую метафору «липкости» или «вязкости». Согласно Сартру, который ввел данное понятие в оборот, липкость или клейкость — это неопределенное состояние вещества, которое находится в пограничном агрегатном состоянии, пребывая между состоянием твердости и текучести. Данное понятие могло бы дополнить понятие мобильность, объясняя существующие трения, конфликты и противоречия возникающие в ходе движения. Таким образом преодолевая оседлый консерватизм и неолиберальный номадизм [48, с. 1473].

В рамках современной социологии уже существует множество разрозненных подходов изучения мобильностей, опирающихся на разные философские перспективы. Во-первых, это исследования различных специфических режимов передвижения, таких как вождение, ходьба или «пассажиринг». Сюда можно также отнести и исследования повседневной самопрезентации в рамках драматургической социологии Гоффмана. Во-вторых, работа Фуко рассматривающая наличие или отсутствие мобильности, как способ распределения власти и формирования субъекта; эту идею развили М. Кастельс и З. Бауман. Данное направление связанно с исследованиями власти, войны и насилия. И, наконец, постколониальные теории критической социологии, направленной на пересмотр действующей политики пограничного контроля. Или более радикального варианта в феминистской критике статичных категорий расы, национальности, этноса или гендера [51, с. 792–793].

Процессные метафоры. Многие авторы, характеризуя современные социальные процессы используют процессные метафоры моря, реки, потока, волн, текучести, также бродяги, кочевника, пилигрима или мотеля [42, с. 45].

Дж. Урри рассматривает метафору номада как одну из ключевых в работах французских философов Делёза и Гваттари. Номад характеризуется им как субъект, который не имеет ни места, ни направления ни конечного пункта. Это кочевник, всегда враждебный государству, так как его режим существования кардинально расходится с последним [42, с. 46]. Приводя трактовки метафоры номада других авторов Урри пишет, что метафора номада применяется некоторыми феминистскими теоретиками как освобождающая от подавляющего нормативного порядка общества. Также, метафора номада используется для описания текучего состояния капитализма, который перемещается с территории на территорию в зависимости от направленности градиента заработных плат и налогового давления. С другой стороны, раскрывает критику метафоры со стороны У. Бека, который утверждает, что номады двигаются по строго определённому маршруту в отличии от тех явлений, которые именуются номадическими. У. Бек предлагает свои метафоры туриста и бродяги, которые

более соответствуют вложенным ранее в номада характеристикам. Метафора номада и её производные: бабник, секс-турист, бездомный пьяница и папарацци критикуются за свою маскулинность, с предложением дополнить её метафорами домохозяйки, няни и проститутки [42, с. 46–48].

Дж. Урри подчеркивает популярность метафоры мотеля, который сам по себе обращен исключительно на циркуляцию сквозь себя, не создавая никаких предпосылок для какой-либо статичности. Среди используемых метафор, Урри замечает метафору корабля, как живой системы находящейся в движении [42, с. 49].

Метафора текучего пространства рассматривается в рамках работы Мол и Ло, исследующих то, как медицина во всем мире работает с анемией. Дж. Урри приводит три метафоры социальных топологий, среди которых есть текучая среда. Первый — это регионы, в рамках региона существуют связанные между собой объекты, а сам регион обнесен границей. Вторая топология характеризуется зависимостью расстояния от отношений между вершинами сети (объектам). И, последняя, третья топология — это текучие среды. Текучие среды не имеют границ, а отношения между элементами внутри потока всегда изменчивы и относительны [42, с. 50–52].

В рамках процессного подхода Дж. Урри предлагает использовать такие концепты, как «капитал подвижности» или «сетевой капитал». Они введены для того, чтобы определять уровень возможностей актора создавать и поддерживать социальные отношения получая от этого различные психологические или экономические выгоды [15, с. 103]. Следует обратить внимание на то, что Дж. Урри специфически трактует концепт «сетевой капитал», настаивая на том, что социальный капитал, как способность к самоорганизации, основанной на взаимном доверии, формируется не только на локальном уровне, в маленьких территориально близких сообществах, но и на расстоянии [43, с. 236].

Мобильная характеристика глобализации. Переходя к характеристике «глобального» или глобализации, Урри утверждает, что подавляющее большинство работ сосредоточено вокруг процессных метафор потока и сети, при

этом метафора региона полностью исключается из анализа в качестве ключевой [42, с. 53].

Глобализация является результатом развития технологий, которые позволяют преодолевать пространства за более короткое время. Развитая инфраструктура выходит за границы отдельных национальных государств. Такая технология, как всемирная сеть интернет, вообще игнорирует любые границы и барьеры (за исключением прямого физического отключения), даже в виде программных средств блокировки [42, с. 53]. Кроме названных уже вошедшие в нашу повседневность торговые терминалы, мобильные телефоны, кредитные карты, телефоны, спутники, скоростные поезда, самолеты, скоростные магистрали, проволочные, оптоволоконные и коаксиальные кабели, микроволновые каналы. Данный набор технологий Дж. Урри именует «каналами» (scapes). Следует заметить, что приведенным Дж. Урри каналам соответствует первый уровень пространства потоков в теории М. Кастельса. Итак, по данным каналам движутся потоки, которые, в свою очередь, состоят из людей, образов, информации, денег и отходов [42, с. 56–57].

Глобализацию можно охарактеризовать как процесс перемещения потоков по сетям каналов, которые прорывают границы национальных государств или существуют вне их логики. Глобальные потоки или текучие среды имеют ряд характеристик. Они не имеют ни пункта отправления, ни назначения, представляя собой лишь мобильность, но движутся в определенном направлении и на определенной скорости; перемещаются по каналам, но и могут их покинуть; на их скорость влияет их вязкость; они темпоральны, обладают разнесенной во времени сложностью; перемещая отношения власти господства/подчинения распыляют её на микроуровень; а осуществление власти происходит через соединение различных текучих сред; потоки пространственно пересекаются в местах «не свойственных модерну»: мотели, аэропорты, интернет, ТВ, дорогие рестораны, международные отели [42, с. 61–62].

Потоки создают возможности для знакомства с другими культурами, для получения образования и участия в глобальных инициативах. Формируются

новые группы активистов. Путешествия стали доступными для большего числа людей чем когда-либо, так же, как и потребительские товары.

С другой стороны, потоки приводят к дезорганизации и рассредоточенности в локальных местах за счет перенасыщения смыслового пространства альтернативами. Государства в этой ситуации испытывают большие трудности перед формированием национальной идентичности [42, с. 58]. Авторитарная политическая модель Советского Союза не смогла справится с всепроникающими потоками образов, товаров, идеологии из блока Западных стран. Данные потоки с крушением советской системы стали более отчётливо восприниматься различными группами людей во всем мире. Данное ощущение вторжения вызвало контрдвижения или «идентичности сопротивления», такие как «Нью-эйдж», «трайбализм», движение женщин и религиозный фундаментализм [42, с. 64–68].

Потоки, привлекают к себе внимание исследователей тем, что в месте их протекания создаётся зона напряжения, возникают риски, желания, возможности, возникает угроза суверенитету национальных государств [42, с. 58]. Кроме прочего, потоки формируют неравенства. Изучая возможности преодоления расстояния разными акторами, социолог может выявить систему неравенства [43, с. 236]. Другими словами, причиной неравенства выступают барьеры на пути к мобильности. Но если рассматривать более пристально проблему, то неравенство так же воплощается и в мобильности по принуждению. Когда временные работники, находятся в постоянной неуверенности за своё будущее, и вынуждены постоянно перемещаться, как это делают беженцы из мест, где идет война. С другой стороны, представители «кинетической» элиты — глобальные профессионалы, менеджеры, ученые, политики, бизнесмены. Они путешествуют свободно, их перемещения демонстрируют их достаток и накапливают капитал [48, с. 1469].

Важно отметить, что именно описанное выше напряжение вызывает основную критику в адрес метафоры потока, так как поток не подразумевает сопротивления. Теоретики мобильности предлагают включить метафору потока в общее процессное теоретическое поле, в котором бы учитывалось соотношение

номадизма и оседлости, сопротивление, трение, замедление, турбулентность и встречное движение. Таким образом расширяя исследовательский потенциал выходя за пределы ограничивающих метафор потока или скорости [51, с. 793–794].

Наметившийся мобильный поворот в социологии интересен и перспективен тем, что объединяет в себе множество ранее разрозненных направлений. Так, феноменологическая ветвь, исследующая на микро-социологическом уровне интеракцию, прекрасно сочетается с макроструктурными подходами, изучающими процесс глобализации, или исследующие государства. Сюда же входит и культурная социология, социальная антропология, постколониальная и феминистская теории, исследования науки и техники, исследования СМИ и коммуникаций. Всю эту совокупность нельзя строго отнести ни к структуралистскому направлению, ни к постструктуралистскому, но они и не относится к рекурсивным теориям Гидденса или Бурдье [51, с. 790].

Новый трансдисциплинарный поворот к мобильности обозначенный Дж. Урри имеет претензию на то, чтобы включить в себя исследования пространственной мобильности людей, нелюдей и объектов; циркуляцию информации, изображений и капитала; критические теории аффективных и социально-психологических последствий такой мобильности; и изучение физических средств для передвижения, таких, как транспорт, инфраструктура и программное обеспечение [51, с. 791–792]; исследования ранее невидимых устремленных структур, состоящих из пространственной сети акторов с разнесенной во времени сложностью; изучение процесса нарушения привычной социальности [14, с. 11–12]. В основе данного поворота лежит реляционная онтология реализма, позволяющая возвысится над традиционными социологическими дебатами между теоретиками [51, с. 790] касательно вопроса соотношения актора и структуры [14, с. 10].

В современной социологической теории, в частности, в рамках тематики теорий глобализации, наблюдается процессно-ориентированный тренд, который заключается в широком использовании процессных метафор или понятий для

характеристики действующих социальных процессов и явлений. Начиная с Питирима Сорокина и до наших дней мобильность была в поле зрения социологов. Модерн, как центральный предмет социологии, с момента своего зарождения был текучим. Но только на современном этапе развития общества и социологической теории вместе с ним возникла острая необходимость в ревизии всех метафор и понятий используемых для характеристики процессов, так как процессы стали более явными, сильными и агрессивными по отношению к, традиционно изучаемым социологами, стабильным структурам. В данное направление внесли значительный вклад такие социологи, как М. Кастельс привнесший теорию потоковых структур, З. Бауман выработал концепцию текучей современности и Дж. Урри оформивший мобильный поворот и обозначивший вектор для развития процессного направления в социологии.

1.3. Развитие процессно-ориентированного подхода в акторно-сетевой теории

Акторно-сетевая теория[3] — современное направление в социальной теории, онтология гибридного мира [10] методология или подход в исследованиях материально-семиотической реальности [29, с. 143]. Данное направление имеет свой язык в виде совокупности понятий, своего метода, вектора исследований и базовой аксиоматики относительно природы реальности. Точкой отсчета считается «этнографическое исследование лабораторной жизни» проведенное Бруно Латуром и Стивом Вулгаром. В конце 90-х гг. все направление условно разделилось на две ветви: ланкастерскую Джон Ло, Анн-Мари[4] Мол, Мадлен Акрич, Нильсон Альбертсен, Виктрия Синглтон и парижскую Бруно Латур и Мишель Каллон [8, 99–100].

---

[3] Далее по тексту сокращение ANT (Actor-network theory); выражения «Акторно-сетевая теория», социология ассоциаций и сокращение ACT используются как синонимы

[4] Варианты перевода фамилии: «Эннмари», «Энн-Мари», «Аннмари»

Наиболее видным из представленной плеяды исследователей является французский социолог и философ, Бруно[5] Латур продолжая уже ставшую традиционной риторику социальных теоретиков о *кризисе социологии*. Актуальное состояние современности указывает на непрерывный рост инноваций, размытие границ привычных социологических типологий и политических движений. Именно в данных условиях, возникают проблемы у традиционной «социологии социального» [25, с. 8]. Он предложил радикальное решение данной проблемы через принятие на вооружение реляционной онтологии и процессной ориентации, что повлекло за собой колоссальные последствия для всей социальной науки.

В. Вахштайн выделил три этапа развития АСТ, обозначив её как теоретическую парадигму поворота к материальному. Первый этап он поместил в формулу «социальное конструирование «Х» в практиках «У», при этом исследуемые практики насыщенны материальностью [10, с. 10]. Второй этап Второй этап характеризуется как «эпистемическая эмансипация», когда вещи перестают объясняться социальными фактами и выступают уже в качестве «условий возможности». «Больше нет практик и их объектов — есть объекты и их практики» [10, с. 11]. Данный этап я также включил бы в категорию объектно-ориентированных социологий. К направлению в социологической теории, что уделяет внимание преимущественно статичным социальным системам и объектам в эссенциалистском смысле. В АСТ подобные теории Б. Латур называет «социологией социального». И, наконец, третий этап определяется Вахштайном как период окончательного стирания грани между субъектом и объектом, человеком и не-человеком. Так, нематериальные, аморфные и трудноуловимые сущности так же обретают статус полноценного действующего, то есть актора. Как пишет В. Вахштайн Б. Латур решает «опрокинуть семиотику в онтологию», имеется ввиду провозглашенная Латуром «релятивная онтология», когда что-либо существует только в том случае если оно действует. Данный переход именуются как «онтологический поворот» [10, с. 12].

---

[5] В некоторых переводах данной фамилии можно встретить иной вариант: «Брюно»

Специфическим свойством всего направления АСТ — это неопределенность терминов и понятий, которыми оперируют исследователи, следующие данному направлению. Подобное обращения с понятиями является логическим распространением методологии подхода на сам подход и способ теоретизирования. То есть, происходит намеренное конструирование пространства возможностей для интерпретаций, тем самым уходя как можно дальше от традиционных клише, которые следуют за такими понятиями как «объект», «вещь», «группа», «конструирование», «социальное», и др. Б. Латур пишет, что любой термин хорош, если он позволяет охарактеризовать то, что: не всегда существовало; составлено из гетерогенных частей; имеет определенную степень свободы от создателя; налагает определенные ограничения; могло не возникнуть; непредсказуемо; и требует поддержки, чтобы существовать [22, с. 384]. Поэтому он часто пользуется большим спектром синонимов для обозначения одних и тех же феноменов [21, с. 357].

1.3.1. Новый онтологический проект

В новой онтологии не существует материального или нематериального, но действующее или недействующее [10, с. 13]. В рамках новой социологии теория действия строится на замене принципа «потенциальности» и «действительности», когда актор воздействующий на объект переводит его из потенциальности в действительность. В основу новой интерпретации действия вкладывается идея опосредования или события. Действовать — значит опосредовать действия другого. В данной связи Латур пишет о том, что *социальное представляет из себя потоки действий, которые существуют, концентрируются, создаются и передаются благодаря посредникам*. В роли действия выступает символическая система обозначенная самим актором. [23, с. 189–190].

Как видно в процессной социологии центральной идей выступает движение, действие, активность. Преимуществом данной позиции выступает приобретение возможности схватывания объекта как многогранного проявления движущегося и изменяющегося потока распределенного действия. Каждый объект в человеческом

восприятии сконструирован им, как и само восприятие человека, но факт конструирования не делает объект менее важным и интересным для исследования, ведь именно из процесса непрерывного конструирования реальности и состоит коллективная жизнь людей. Будь это конструирование вещей, идей или самих себя.

Изучая социальные связи, в центре внимания становятся смысловые потоки, или потоки распределенного действия, на пересечениях которых, в пучках, существуют объекты будь это объекты материального мира, как машины, бланки, скрепки, животные или идеального, как государство, Бог или рука рынка. В данном случае, объекты выступают преобразователями и собирателями действий, осуществляемых людьми. Хоть и человек остаётся привилегированным субъектом [44].

Все представители социологии ассоциаций, работают в рамках представленной выше реляционной онтологии. Реляционность является индикатором, указывающим на то, что данная теория относится к процессно-ориентированной социологии. Анн-Мари Мол, например, определяет реальность как множественную, а единственность в виде согласованных утверждений о наблюдаемом является не более чем продуктом онтологической политики, направленной на выработку этих самых «единственностей». В множественной реальности объекты дробны т.е. они всегда связаны с контекстом и наблюдателем. Другими словами, как пишет Ло, объекты состоят из различий, по-разному собранных и реализуемых разными практиками в разных местах [29, с. 158-9]. Центральным понятием в её работах выступает «приведение в действие» или «задействование»[6] — допущение, согласно которому отношения, а значит — реальности и репрезентации реальностей бесконечно и неизменно «осуществляются» в непрерывном процессе производства и воспроизводства. У них нет статуса, положения или реальности в отрыве от этих процессов [34, с. 232].

[6] Enactment (enacts)

Донна Харауэй пишет о материально-семиотической сети, из которой собирается человек или субъект. Она определяет сеть как множество отношений, которые одновременно имеют дело и со значениями, и с материалами. Из этого следует, что любые утверждения субъекта неразрывно связаны с самим субъектом, а, следовательно, критерий объективности как разрыва невозможен. Д. Харауэй использует метафору киборга для характеристики множественной идентичности индивида, утверждая, что человек и его идентичность является набором частичных связей, то есть незавершенным и сконструированным, из текучего беспорядка, знанием [45, с. 322–377].

Кнорр-Цетина выделяет такой тип объектов, как «объекты познания» или «эпистемические объекты». Данный тип объектов характеризуется ею как изменчивые и раскрывающиеся. Данная характеристика происходит прежде всего из специфических свойств данных объектов. Как, например, незавершенность и нетождественность самим себе. Незавершенность существования проявляется в том, как объекты воспринимаются, конструируются и преобразовываются в то, чем они не были ранее. Процесс материализации объектов непрерывен, и они постоянное приобретают новые качества и изменяют уже имеющиеся. Объекты предстают «раскрывающимися структурами отсутствия». Более того, данные объекты множественны, что проявляется в их одновременно существующих разных формах. Данные объекты следует рассматривать больше как процессы и представления, а не как четко очерченные предметы [17, с. 318; 18, с. 287–288].

Объекты, согласно утверждению Кнорр-Цетины, являются продуктом стабилизации коллективности и, наоборот, сами её стабилизируют. Другими словами, объекты выступают результатом сборки коллективами или ансамблями других объектов. Но и с другой стороны, сами объекты помогают поддерживать во времени сложные структуры отношений в коллективах [18, с. 290]. Подобное взаимное структурирование вписывается в формулу Мида о выборе роли на базе межсубъектной рефлексивности. Её суть заключается в том, что данная рефлексивность возможна, когда субъект структурируется после усвоения установки другого по отношению к субъекту, и наоборот [17, с. 330].

Иллюстрацией данного тезиса выступает анализ А. Мол составления эпидемиологической статистики по уровню смертности по причине сердечно-сосудистых заболеваний в Нидерландах. Она сделала вывод, что репрезентация реальности или её со-конструирование носит взаимный характер. Элементы образуют совокупность (статистические данные), а совокупность формирует элементы. Например, оказывая влияние на врачей, ставящих диагноз без тщательного обследования, который бы соответствовал статистике [34, с. 246].

Процессная онтология. Совместная работа Джона Ло с Джоном Урри определила его установку на исследования изменчивых, подвижных форм социальной координации. Дж. Ло, продолжая традицию Дж. Урри, определяет объектом социологии не единое и тотальное общество, а множественные, гетерогенные и гибридные миры, находящиеся в постоянном движении [9, с. 24]. Разбирая природу реальности, Дж. Ло опирается на философскую установку, которую можно обозначить как процессная метафизика[7] или онтологический релятивизм. Данная позиция близка к феноменологии, суть которой заключается в том, что не существует иной реальности кроме той, что создается в нашем сознании относительно чувственного опыта.

Для понимания сути процессной онтологии, прежде всего следует разобрать базовую, как пишет Дж. Ло, европейскую-американскую метафизическую установку о реальности. Данная установка содержит пять основных характеристик[8]: существует внешняя реальность; она независима от наблюдателя; существовала до её фиксации; феномены реальности всюду одинаковы (единственны); и обладают определенным свойствами. В свете феноменологической интерпретации реальности, все репрезентации о реальности и есть сама реальность [23, 29].

Однако, предлагая процессную метафизику Дж. Ло полностью не отрицает европейско-американскую онтологию. Расхождения лишь в том, что классическая онтология утверждает дифференциацию объектов на более или менее реальные по

---

[7] Джон Ло отождествляет метафизику и онтологию

[8] может и больше, но для репрезентации, как утверждает Ло, достаточно

отношению друг к другу, Ло это отрицает. Общее поле тут в том, что эмпирический опыт и репрезентации этого опыта неспособны охватить густую реальность (обозначенную Дж. Ло в рамках европейско-американской онтологии), непрерывно наваливающуюся массивным потоком на наблюдателя. Наблюдатель неизбежно упрощает данный поток, обобщает и фиксирует в паттерны, которые, в свою очередь, не менее реальны, чем то, что они описывают. Таким образом, часть реальности предшествует наблюдателю и независимо существует во вне (хинтерланд), а часть со-созидается наблюдателем и предшествующей ему реальностью, непосредственно в процессе её восприятия и репрезентации. В результате процессная онтология производит реалии, которые впоследствии описываются в критериях европейско-американской классической онтологии. Эти две онтологии сосуществуют вместе, образуя множественную реальность [29, с. 70–71].

Переопределение социального. Проект новой социологии, предложенный Б. Латуром, исходит из отрицания двух предыдущих проектов. Первый, модернистский проект, исходил из того, что существует единый мир, который необходимо открыть. Это созвучно с социологией систем и структур, которые ожидают своего открытия. Второй, постмодернистский совмещает в себе конструктивизм и деконструкцию. Соответственно, второй проект включает в себя критическую социологию и социальный конструктивизм. Новый проект предполагает предложение второго, но уже в позитивном ключе. Иными словами, не отрицается то, что не существует единого мира, но с другой стороны предлагается взяться за работу его построения, прежде всего разобравшись в том, как собираются отдельные его элементы, отбросив спекулятивные объяснения социального социальным, и утверждения о том, что мир уже един [21, с. 358].

Необходимость нового проекта выросла из исследований науки и техники[9]. Изначально социологи, на первом этапе развития еще не оформленного направления АСТ, в рамках STS опираясь на критический инструментарий искали социальной стоящее «за» процессом производства научного знания, за процессом

[9] Далее по тексту сокращение STS (science and technology studies) и выражение «исследование науки и техники» используются как синонимы

собирания фактов учеными в своих лабораториях. Подобные поиски не увенчались успехом. Даже более того, попытки объяснить науку социальным более радикальными представителями критического крыла социологии встретили мощный ответ со стороны представителей естественных наук. Данное противостояние получило имя «Научные войны» (англ. Science wars) [49].

Ситуация вынудила начать пересмотр оснований социальной науки. Необходимо было пересмотреть такие понятия как социальное, общество, объект, актор, действие. Подобные вопросы потянули за собой и все остальное, а именно фундаментальную онтологическую установку и методологические принципы.

Традиционное понимание социального, как некой автономной области жизни людей, что наделена специфическими силами, воздействием которых можно объяснять другие области жизни (наука, искусство, религия) оказывается неадекватным наблюдаемым реалиям. Понимание социального в данном ключе *не демонстрирует способность справиться с ускоряющейся и усложняющейся действительностью*, к тому же за два столетия поисков так никаких скрытых сил не обнаружилось.

Объяснение социальным, исходящее от социальных конструктивистов неприемлемо потому что, с одной стороны, не существует настолько податливого материала, чтобы подчиниться воздействию воображения субъекта, а с другой, не существует силы способной безусловно подчинить субъекта воле идеи. Всласть воздействия распределяется между субъект-объектами, то есть между актантами, проводниками и преобразователями силы [21, с. 377].

В рамках теоретической социологии качестве выхода из данной ситуации предлагаются две стратегии *переопределения понятия «социального»*, и обе предполагают экспансию. Первая, продолжая традицию конструктивизма[10], направленна на расширение понятия социального через его растворение в других сферах: право, политика, экономика, менеджмент, психология и т.д. — «все есть социальное» [25, с. 138]. В результате данного хода социология непременно сталкивается с сопротивлением со стороны других дисциплин, в особенности

[10] Традиция конструктивизма заключается в том, чтобы объяснять социальным все аспекты реальности. Иными словами, объяснять наличие экономических, правовых, религиозных и др. связей социальным контекстом

представителей естественных наук, не желающих менять вывеску на «социальное»; но чаще социологи становятся перед вопросом о том, существует ли вообще «социальное»[11]?

Другая стратегия, предлагаемая Б. Латуром в рамках исследовательской программы ANT, предполагает расширение понимания социального на *все типы связей* того, что не является социальным. Таким образом, во-первых, происходит отказ от социологической мифологии, заключающейся в *бездоказательной* вере в существование социальных сил и социального контекста; во-вторых, признаётся право на свободное существование различных сфер деятельности, как наука, религия, право, политика, искусство и т.д. от всеобъемлющего объяснения социальным; и, наконец, социальное занимает своё место в реальности в качестве процесса ассоциации несоциальных элементов. Необходимо подчеркнуть, что речь идёт именно о процессе ассоциации, что указывает на процессную логику самой социологии в рамках исследовательской программы ANT.

Общество не может быть источником объяснения. Данную идею, кроме Б. Латура, также развивают Дж. Урри, У. Бэк, М. Кастельс и др. Общество, как выясняется, является тем, что должно быть объяснено. Ведь общество сконструировано, смонтировано, собрано, слеплено, составлено и скреплено. Именно данному сомнению в объяснительных возможностях социальных наук, по мнению Б. Латура, обязано появление в обиходе социологов таких понятий как «сеть», «текучесть», «поток» и др. [21, с. 349–350].

Данная проблема также отражается в споре между номинализмом и реализмом. Но, согласно Б. Латуру, слова (объясняющее) и миры (объясняемое) существуют не по разные стороны баррикад, но обозначают результат сложнейших практик, инструментальных посредничеств, форм жизни, интересов и участия, по построению новых сообществ-ассоциаций [22, с. 382].

Джон Ло данные практики называет «практиками знания», то есть практиками по производству знания, а вместе с ним и самой реальности. Данный

---

[11] См.: К определению социального / Центр фундаментальной социологии. НИУ ВШЭ. М. URL: https://www.hse.ru/org/hse/cfs/social_disc (дата обращения: 05.05.2017).

подход именуются как перформативный[12]. Смысл его в том, что рассматриваются обстоятельства, в которых слова являются не описаниями — «констативами», а действиями, влияющими на реальность или создающими ее. То есть перформативностью называют практики, учреждающие реальность. В том числе и практики знания. Так реальности, включая знания о реальностях, зависят от практик, охватывающих или связанных сетью с другими релевантными практиками, которые в свою очередь, учреждают собственные реальности. Иными словами, существует актор-сети производящие разные практики, которые производят различные реальности. Важно отметить, что практики знания устойчивы, если способны создавать знания, которые работают, упорядочены, убедительны и оправдывает ожидания [28, с. 220–221].

Итак, социальное это все виды практик по выстраиванию сетей отношений между гетерогенными объектами. Здесь важно отметить, что социальное не может быть одним и тем же, оно постоянно претерпевает преобразования. В силу данной изменчивости или текучести социальной реальности Б. Латур настаивает на уникальных или одноразовых объяснениях [26, с. 137–140].

1.3.3. Процессно-ориентированный метод

Предложенная онтология находится в плотной связке с методологией и методами АСТ в изложении Дж. Ло. Методологическая позиция Дж. Ло проистекает из постструктурализма. Прежде всего, Ло заимствовал из постструктурализма реляционность — как идею о производстве значений, смыслов и даже вещей отношениями, из которых они состоят и в которые они сами включены. Кроме реляционности, была также заимствована логика соотношения постструктуралистских понятий: «присутствие», «явленное отсутствие» и «Инаковость». Их содержание будет рассмотрено далее [29, с. 174-85]. Они используются Дж. Ло в определении его центрального понятия — «метод-сборка», обозначенного как реализация отношений выстраивания границ

[12] См.: Остин Дж. Л. Три способа пролить чернила. Философские работы. – СПб., 2006. – 335 с.

между присутствующим, отсутствующим и иным; кроме того, Ло обрамляет их понятием — «хинтерланд», обозначая его как пучок отношений, включающих в себя присутствующие утверждения о реальности, сами реалии и инструменты их фиксации; и учреждающих вероятное и невозможное; и, наконец, использует в определении третьего ключевого понятия — «репрезентация», которое выступает произведенной версией реальности составляющей хинтерланд [29, с. 325–332].

Базовые методологические установки. Базовыми методологическими установками Джона Ло выступает симметрия, нейтральность и приоритет суждений акторов, а не исследователя. Ло предлагает несколько примеров понимания симметрии. Блур и Барнас говорят об «эпистемологической симметрии», где под симметричностью понимают одинаковые типы причинности в объяснении как истинных, так и ложных убеждений. Мишель Каллон, в свою очередь, пишет об «онтологической симметрии», как об использовании одинаковых типов объяснений для происходящего как в «естественнонаучном» мире, так и в «социальном». То есть культура и природа не могут быть объяснены в разных терминах. М. Каллон предлагает принцип, способный реализовать данные установки, а именно принцип «свободных ассоциаций». Следуя данному принципу, только в ходе наблюдения за акторами (тот, кто действует) исследователь может определить, кто на самом деле является актором, будь это люди, идеи или вещи, и каким образом они выстраивают мир (социальный или природный) вокруг себя [29, с. 215–216]. Сам Джон Ло принимает предложенный принцип свободных ассоциаций. А принцип генерализованной симметрии понимает, как непризнание онтологически данным разделение на «социальное» и «материальное» [9, с. 26]. Итак, методологию АСТ, согласно Дж. Ло составляют такие принципы как реляционность, симметрия, нейтральность и принцип «свободных ассоциаций».

Произвольность актора. Приведенные выше принципы воплощаются в методе, именуемом как *«метод-сборка»*. Данное название является результатом рефлексии социологом онтологической позиции, лежащей в основе используемого им метода. Понятие «метода-сборка» подчеркивает главную интуицию

процессной онтологии, а именно, процесс описания о объяснения реальности является процессом её создания. Так, получается, что социолог, проводя исследование помогает акторам создать более плотную и устойчивую, а с тем и убедительную, реальность.

То, что высказывания о реальности, или утверждения об объекте, формируются учёными и участвуют в производстве данной реальности [29, с. 74–80], не значит, что эти высказывания могут быть произвольны или что находятся во власти прихоти высказывающего их субъекта. На деле, каждое высказывание, каждый измерительный прибор, каждый навык укоренен в целой сети отношений с целым спектром предшествующих высказываний (законов, теорий, примеров, заключений), предметов и практик, именуемых Дж. Ло *«хитерлендом»* [29, с. 62].

Важно понимать место наблюдателя-создателя или актора в процессно-ориентированной социологии. Реализм (европейско-американская онтология), предполагающий существование независимой, предшествующей реальности во вне, опирается на идею свободного наблюдателя, субъективность которого необходимо исключить из его описаний и объяснений. В процессной социологии наблюдатель, то есть актор (действующий), или даже актант (вовлеченный в действие), всего лишь одни из элементов сети взаимодействий, не способный на произвольность или «свободу воли», которая делает возможной субъективность. Как видно, принцип симметрии в онтологии, освобождает пространство возможного, и, одновременно с этим, забирает свободу у субъекта-актора, понимаемую как произвольность.

Понятие «сборка». Практики высказываний, измерений, наблюдений реализуемые акторами есть ни что иное как процесс *«сборки»* объектов реальности. Саму сборку Дж. Ло определяет, как процесс связывания, собирания или рекурсивного само-собирания, в котором соединяемые элементы не приобретают фиксированную форму и не принадлежат к более обширному пред-данному списку, а конструируются в ходе взаимного переплетения [29, с. 92]. Само понятие собирания (англ. gathering), Ло возводит к глаголу собирать (англ.

gather), обладающего целой палитрой коннотаций — сводить в одном месте, соотносить, встречаться, стекаться, сходиться, сгущаться [29, с. 211–212].

Джон Ло предлагает два варианта рассмотрения «сборки». Первая относится к Б. Латуру и Вулгару, и носит название «конструирование». Они пишут о том, что объекты не обладают изначально устойчивой идентичностью, они складываются постепенно, в результате дискуссий трансформируются и становятся все более устойчивыми, пока их трансформация или замена не станет слишком дорогой в буквальном смысле слова. Второй вариант относится к А. Мол, исследующей практику выявления и лечения атеросклероза в клинике. Она пришла к выводу о том, что каждый объект реален, если является частью практики. Иными словами, сборка осуществляется непрерывно, в каждый момент времени, она это назвала «реализованной реальностью». Данное видение, является продолжением исследований науки, феминистской теории и культурных исследований перформативной реализации [29, с. 120–122].

Метод-сборка. Итак, рассмотрев понятие сборки с разных углов, методологические установки и онтологические позиции, можно представить определение метода-сборки. «*Метод-сборка — реализация пучка разветвляющихся отношений, формирующих, опосредующих и отделяющих друг от друга репрезентации* [объект] *здесь-внутри, репрезентируемые реалии* [его релевантный контекст] *там-вовне и невидимые внешние отношения, процессы и контексты, необходимые для здесь-внутри*» [29, с. 176]. Как видно, данное определение строится на связке из трех понятий, взятых Ло из постструктуралистского словаря. Где, присутствие — это то, что делается присутствующим или сгущается «здесь-внутри». Формы присутствия (репрезентации, объекты, процессы) учреждаются внутри практик; явленное отсутствие — то, что выступает коррелятором для присутствующего. Альтернативные репрезентации и контексты, причины и последствия; и, инаковость — то, что протекает рутинным образом, в то время пока явленное присутствует. Это может быть «черным ящиком» в АСТ или «вытесненным» в культурных исследованиях [29, с. 178].

Рассмотренный метод предполагает столкновение с множественной реальностью, которая постоянно изменяется и перегружает восприятие деталями. В данной ситуации, единственным выходом будет следование совету Т. Куна, а именно, распознавать сходства между случаями, несмотря на то, что они никогда не бывают тождественными. Это значит, что должна быть проделана активная работа по собиранию несвязности или текучести в повторяющиеся паттерны — слова, предложения, навыки, вещи, встречи, впечатления, ощущения, фантазии, темы и т.д. — опуская, так называемый, фоновый шум, представляющий из себя сгусток нерелевантных «неправильных» сходств и различий [29, с. 227–231]. Другими словами, практики метод-сборки сгущают одни реалии или паттерны и вытесняют другие в область Иного. Кроме того, метод позволяет усиливать собранную реальность, когда хинтерланды реального пересобираются и следом создают новую реальность [29, с. 243].

1.3.3. Концептуализация подвижности

Возникают инновации, границы между группами становятся все менее определенными, а элементы взаимодействия все более неустойчивы. В данных условиях объектно-ориентированная социология, или «социология социального», как пишет Б. Латур, не справляется с задачей объяснения, так как ориентирована на то, что уже существует, а не на преобразованиях существующего или появление нового. Объектно-ориентированную социологию он называет дорелятивистской, то есть ориентированной на медленную реальность. Для неё порядок есть правило, а изменение — аномалия. Процессно-ориентированная социология, напротив, отказываясь от идеи «социальной субстанции», как это сделали физики в начале XX века с эфиром, выступает объяснительным инструментом в исследованиях инноваций, будучи способной проследить как историю преобразований наблюдаемых объектов, так сам процесс их создания [25, с. 24–26].

Метафора текучести. Джон Ло и Анн-Мари Мол, будучи представителями АСТ, употребляют метафору текучести по отношению к объектам отождествляя её со способностью к изменению формы от места к месту [29, 168]. Все объекты, с которыми мы как социологи сталкиваемся, обладают данным свойством. Но каждый объект обладает разной степенью текучести. То есть, при смене мест объект, например, может быть недостаточно податлив чтобы вписаться в новый контекст и стать устойчивым и эффективным.

Текучесть объекта прекрасно описана в исследовании «практики диагностики и лечения алкогольного поражения печени» описанной в книги Дж. Ло «После метода». Как оказалось, объект изучения был лишь отправным пунктом, включившим исследователей в процесс производства медицинскими работниками и врачами этого объекта. Социологи в ходе своего исследования столкнулись с тем, что объект изменял форму и название: «заболевание печени», «алкогольный цирроз», «злоупотребление алкоголем», «алкоголизм», «общее качество жизни в связи с употреблением алкоголя». Была выявлена проблема высокого процента рецидивов и предложен вариант решения: переупорядочить организационные и профессиональные отношения так, чтобы добиться баланса между доминирующей (сугубо медицинская) и альтернативной (переплетение психиатрического, социального и медицинского) версиями «алкогольного поражения печени» [29, с. 147–167].

Другим примером текучести, на первый взгляд, совершенно устойчивого объекта, является репрезентация человеческого тела в биологии. С одной стороны, все человеческие тела подчинены ряду общих закономерностей в функционировании и развитии, что даёт право их обобщить в вид homo sapiens. С другой стороны, конечно же, присутствует индивидуальная изменчивость благодаря, как известно из общего курса по биологии, мутациям. Поэтому жесткие классификаторы болезней, психических расстройств, сексуальных предпочтений и рас подвергаются постоянному пересмотру. И даже это не спасает от регулярных несоответствий этих классификаций индивидуальным случаям. Данная ситуация вынуждает, например, врачам обходится с подобными

классификациями как с текучими объектами. Их форма неопределенна, податлива, они могут включать в себя определенные элементы, а могут и исключать из себя действующие. Даже более того, они могут содержать в себе взаимоисключающие интерпретации, как в случае, например, с диагностикой и лечением атеросклероза, изученным Анн-Мари Мол [34, с. 233].

Понятие «текучести» соответствует понятию «несвязности», как нагромождения реалий, которое Дж. Ло использует для характеристики множественной реальности, описывая катастрофу со скоростными поездами в Англии или центр помощи больным алкоголизмом. Противоположным понятием выступает, соответственно, «связность». Такое состояние, при котором есть однозначная репрезентация реальности, исключающее любые неопределенности и противоречивости. Связность, как мы утверждали ранее является скорее аномалией, чем нормой и требует пристального изучения, то есть работы по её учреждению. Текучесть объекта сменяется связностью, когда реализуется практика принятия решения о действии, реализации процедуры, освоения технологии, выделения денег или принятия закона [29, с. 206–207]. Данная смена происходит благодаря практике собирания.

Связность и определенность, будучи одной из выделенных Дж. Ло характеристик европейско-американского метода тесно связанно с понятием структуры. Ло размышляя о текучести, то есть о способности объектов менять форму и имя, предлагает расширить понятие «определенности», и называть ранее неопределенные текучие объекты как определенные. Таким образом понятие структуры через расширение характеристики определенности настигает текучие объекты. То есть называть определенным то, что на первый взгляд таковым не является. По сути это призыв к выходу на более высокий уровень абстракции, где потоки обретают структуру [29, с. 172].

Текучие пространства. Логику пространств и потоков в процессной социологии последовательно раскрывали Дж. Урри, М. Кастельс и Дж. Ло. Пространственные течения вещей, идей, образов, людей, технологий и т.д. детально описаны в работах Дж. Урри и М. Кастельса. Они развивали концепцию

географического пространства в рамках которого разворачивались потоки материальных и смысловых объектов, перемещаясь из пункта «А» в пункт «Б».

Кроме текучести между местами в пространстве географическом, также существуют и течения между местами в пространстве семиотическом, то есть смысловом. Так, Джон Ло выделяет два дополнительных типа пространств. Помимо евклидового, он выводит сетевое и потоковое. Первое, знакомое физическое евклидово пространство, с тремя осями координат. Второе, сетевое пространство. Под сетевым пространством Ло подразумевает пространство отношений между объектами, где объекты создаются на пересечениях линий отношений. Так, в первом пространстве объекты выступают трёхмерными фигурами, в сетевом — сетью. Изменения в сети приводят к изменениям формы объекта в евклидовом пространстве, и, так же, происходит наоборот [27, с. 231–233].

Но наиболее важным и интересным для данной работы является следующий шаг Дж. Ло, а именно, выделение третьего типа пространства, пространства потоков[13]. Пространство потоков или текучая пространственность определяется им как пространство отношений, формирующих объекты, но при этом характер и число отношений, составляющих объект, может меняться [27, с. 234–236]. Когда, например, одновременно сосуществуют несколько репрезентаций одного объекта, конкурирующих между собой или находящихся в отношениях кооперации. В данном случае, объект перетекает от одной репрезентации в другую в зависимости от ситуации или в результате перемещения фокуса внимания самого исследователя.

Различение между сетевым пространством и пространством потоков незначительное. Если границу различения поставить в месте где важны свойства объекта, то объект в обоих пространствах будет состоять из смысловых отношений. Но если переместить границу в область фиксации динамики, то различие становится совершенно отчетливым. Движения в пространстве сети практически отсутствует, в отличии от пространства потоков. Тем не менее,

[13] Fluid – термин, которым в физике обозначаются жидкие и газообразные вещества. Переводится как текучий, подвижный, изменчивый, нестабильный [28, 234].).

наличие данного различия не мешает воспринимать эти два пространства как одно. Как указал сам автор, объекты переходят из сетевого режима в режим потоковый и обратно, чего нельзя сказать об объектах евклидового пространства, которые его не покидают [27, с. 239]. Но никогда нельзя сказать достоверно, в каком из пространств пребывает объект в сетевом или потоковом. Объект как бы мерцает, переключаясь между двумя режимами, или находится частично в двух пространствах. Таким образом, кажется более уместным рассматривать объект в двух пространствах: в евклидовом и семиотическом. При этом необходимо учесть фактор динамики, но в более гибкой метафоре спектра. Так объекты, перемещается по спектру подвижности от состояния текучести до неподвижности. Данного рода преобразования хорошо видны на примере Всемирной выставки XIX в., что проводилась в Великобритании. Она была порождена столкновением многочисленных потоков, которые постепенно стали сетью, и, наконец, укоренившись обрели очертания региона — символа XIX в. в памяти людей [40, с. 47].

Следует сделать небольшую ремарку относительно содержания тождественных терминов, используемых социологами. А именно о «пространстве потоков» у М. Кастельса и Д. Ло. М. Кастельс описывает свой концепт пространства, как относящийся исключительно к евклидовой системе координат. Это физические сети телекоммуникаций, что выстраиваются вдоль потоков взаимодействий, обладающих властью индивидов. Пространство сетей в АСТ представляет собой семиотическое пространство отношений, на пересечениях которых образуются объекты, — или, согласно Б. Латуру, — сеть распределенных потоков отношений, опосредованных актантами. Пространство потоков, в интерпретации Дж. Ло, третье пространство, где сложные объекты не имеют четких границ и постоянно изменяются. Оно так же семиотично, как и пространство сетей, но характеризуется изменчивостью. Именно в данные двух типах пространств АСТ становятся доступными для объяснения процессы воспроизводства отношений, смысла и объектов, а также процессы создания нового.

Изменчивость и стабильность. Правилом для процессно-ориентированной социологии выступает процесс, движение, перформативность. Но, также есть и аномалии в виде «стабильности», требующие объяснения. «Стабильность» является аномалией, потому, что традиционно объясняется социальными силами[14]. Но данные объяснения не подлежат проверке. На деле подтверждается обратное. Продолжительные во времени связи не способны существовать, опираясь исключительно на социальные навыки людей, что доказывается открытием наличия социальных навыков у бабуинов, и их хрупкого социального мира, который им приходится постоянно восстанавливать [23, с. 189–190]. Таким образом, в процессное исследование необходимо включать как символические, так и материальные объекты.

Та стабильность, которую мы наблюдаем в согласии, группах или социальном порядке легко разрушится, если утратит поддержку со стороны людей, устройств, орудий, инструментов или материалов. Другими словами, любая широкая и долговременная ассоциация поддерживается, то есть воспроизводится, широким спектром несоциальных объектов. Поскольку данный процесс невозможно зарегистрировать в рамках объектно-ориентированной социологии, фиксирующей «социальные силы» за каждой долговременной фигурацией, не уткнувшись в тавтологию и неправдоподобные выводы, необходимо переключиться в режим наблюдения за процессами образования форм из несоциальных объектов [25, с. 93–98]. Прекрасной иллюстрацией подобного переключения является мини-исследование «Социология одной двери», где Б. Латур в повествовательной форме раскрыл сеть отношений, из которой состоит такой простой и привычный доводчик двери [19, с. 199–222].

Стабильность и текучесть, это та дихотомия, что иллюстрирует различие объектной социологии от процессной. В процессно-ориентированной АСТ действует логика потока, в противовес логике сети или региона. Логика сети — это логика пассажира самолета, перемещающегося без всяких преград на тысячи километров, не замечая тягот пешего перемещения. В логике потока простой

---

[14] социальные нормы, законы, структуры, обычаи, культура, правила

перелет превращается в поход, где материальность настолько густа и настолько сопротивляется путешественнику, что совершенно невозможно её игнорировать. Поток — это всегда сопротивление, это процесс изменений и постоянных ассоциаций [8, с. 113].

Преждевременная универсализация и стабилизация множественности мира в фактах о нем стала причиной доминирования объектно-ориентированных социологий, работающих с уже готовым социальным, не замечающих новые сущности. Более того, не замечающих общественный запрос на новые сущности. В данной связи, Б. Латур описывает два инструмента, работающих в двух противоположных направлениях с фактами, точнее социальными фактами, если принять новую трактовку социального. Первый, естественно-научный инструмент «позитивизм», на него ориентируется объектная социология. Он направлен на построение неоспоримых фактов. Второй, критический инструмент «антифетишизм», который занимается разоблачением и деконструкцией всего, что называет иллюзией. Но оба подхода неверны, так как природа вещей, подвергающихся воздействию данных сил слишком сложна для однозначности. *Вещи слишком сильны, чтобы к ним относились как к фетишам или иллюзиям, и слишком слабы, чтобы быть неоспоримо каузальными объяснениями действия*. Так, вещи не являются ни иллюзией, ни фактом. Факты не устойчивы, но и не иллюзорны, и за ними не стоят скрытые социальные силы. Факт — это клубок полемики, эпистемологии и модернистской политики[15] [49, 238–242]. Подобное видение фактов является квинтэссенцией реляционной онтологии.

Как видно, в основе социологии ассоциаций на всех уровнях лежит широкая процессная метафорика. Начиная с фундаментального уровня, а именно, онтологии и заканчивая набором метафор. Реляционная онтология понимает мир как конструируемый в первую очередь отношениями, а не субстанциями. Другими словами, она характерна тем, что открывает содержание акторов через их взаимодействия. Поэтому выявленные функции, качества, критерии, роли и т.д., как правило, не тиражируемы. То есть пригодны для конкретного случая,

[15] в своей работе Б. Латур использует понятия «ассоциация», «вещь», «объект», «проблема», «собрание», коллектив» как взаимозаменяемые.

конкретной практики, события, действия. Процессная онтология понимается как перформативное взаимодействие с миром, то есть как непрекращающаяся работа по его созданию в моменте активного наблюдения за ним, например, в практиках знания. Метод, возможный при таком подходе, неизбежно приобретает процессуальные черты, он и носит название — метод-сборка. В данном свете, само социальное понимается исключительно как процесс связывания, а не как нечто связываемое, а для описания самой реальности используются процессные метафоры: «поток» и «течение»

Глава 2. Концептуализация потоковых структур

2.1. Потоковые структуры в процессно-ориентированной социологии

В данном разделе представлена попытка концептуализации потоковых структур на базе реляционной и процессной онтологий. То есть потоковыми структурами выступают объекты, обладающие качествами структуры, одновременно со способностью изменяться под воздействием других. Более того, предлагается рассматривать, помимо сконструированных из эмпирической реальности структур, еще и структуры на более высоком уровне абстракции, то есть, теоретические обобщения. Далее, представлены три типа пространств по котором протекают потоковые структуры, а состояние текучести рассмотренных потоков разбиты на четыре состояния в зависимости от их интенсивности и направленности. Сами структуры рассматриваются как объяснения потоков и возможность для деконструкции конфликтных сборок и конструкции согласия, на базе критерия эффективности.

2.1.1. Структура и объяснение

Для того чтобы определить, чем же являются потоковые структуры в море мобильностей и течений необходимо, для начала, разобрать, что мы подразумеваем под понятием «структура». Понятие структуры и потока заимствуется из социальной топологии АСТ[16]. Джон Ло как один из наиболее ярких представителей АСТ, описывает разные типы пространств, в том числе пространство потоков, в связке с определением категории «объекта».

Говоря о структуре, Джон Ло обращается к базовой интуиции структуралистов, а именно семиотике. Из семиотики структуралисты переняли понимание смысла или значения. Отношения между элементами языка порождают смысл каждого из них. То есть ни одно слово само по себе смысла не

[16] Топология – раздел математики, изучающий характер объектов в пространстве. Исследуются различные условия, в которых объекты могут быть деформированы без повреждений [27, 228].

содержит, до тех пор, пока не встанет в соотношение с другим словом. Структуралистское понимание языка с глубинной структурой перешло и на понимание общества. «За» обществом единой глубинной структуры не обнаружилось, поиски «за» языком все ещё продолжаются[17]. Следующей волной, вслед за структурализмом последовал постструктурализм. Постструктурализм настаивает на существовании множественных структур, каждая из которых производит определенные объекты. Все объекты являются по-прежнему результатом их отношений между собой. Сегодня постструктурализм получил развитие в акторно-сетевой теории ланкастерской ветви. Дж. Ло обозначает лишь одно отличие между этими двумя подходами. В АСТ исследуются не «границы возможного», а конкретные стратегии, что встроены в объекты, т.е. в пересечения отношений, воплощенных в объекты [27, с. 224].

Таким образом, мы видим, что Дж. Ло под структурами понимает уникальные, или одноразовые, как писал Б. Латур, объяснения. То, что поддерживает объекты, состоящие из отношений. То, что сохраняет приятный стратегический курс. Этот тип структур можно обозначить как *эмпирические структуры*. Так потоки людей, машин, идей, мусора, информации, образов и т.д. поддерживаются и направляются некими структурами, состоят из структур. Социолог может попробовать собрать структуру, которая бы хорошо работала, например, объясняла бы, как она работает или почему не работает как хотелось бы и, возможно, позволяла бы делать прогнозы. Итак, структуры на эмпирическом уровне более специальные или одноразовые.

Пример исследования группообразования является хорошей иллюстрацией тезиса, данного выше. Прямое исследование и непосредственная фиксация жизни групп позволяют накапливать эмпирический материал и паттерны, собранные из данного материала. Выявленные паттерны в каждом отдельном случае являются теми самыми эмпирическими структурами или стратегиями. Накопленный материал позволяет идти дальше, и образовывать структуры на более высоком уровне абстракции. Иными словами, последующая типологизация паттернов

---

[17] См.: Исследования по генеративной лингвистике Н. Хомского

позволяет теоретику собрать структуры группообразования — процесса выстраивания связей между конфигурациями культурных и природных объектов, символического и материального или смысловых и физических сущностей [25, с. 38]. К примеру, Б. Латур выделяет универсальные структурные компоненты, присущее любому группообразованию: наличие людей, легитимирующих группу, отстаивающих её существование выстраивая границы, говорящих от её имени, объявляющих другие группы иными или несуществующими, управляющих группой и, наконец, людей, привлекающих ресурсы для укрепления границ группы [25, с. 47–50].

Но данный переход на *более высокий уровень абстракции* [25, с. 307] невозможен без совершенного ранее переопределения «социального». Обозначая «социальное», как процесс ассоциации, а не как то, что ассоциируется, то есть соединятся или собирается. Важным становится *процесс группообразования*, а не группы, обусловленный множеством противоречивых способов формирования идентичности [25, с. 44–46]. Более того, сами *группы* есть не что иное, как процесс, требующий постоянной поддержки, то есть — структуры [25, с. 56].

Как все крупные теоретики Б. Латур довольно противоречивая фигура. Поэтому, несмотря на то, что он сам приводит пример структур группообразования, он всё же заявляет о стремлении уйти от сильных объяснений, считая, что достаточно ограничиться одноразовыми объяснениями и исключением метаязыка [26, с. 120–40]. Подобные разногласия с самим собой встречаются от текста к тексту, что даёт широкое поле для интерпретаций [1, 16]. Так, подход Б. Латура не так уж и далек от «сильной программы» [3] Д. Блура [4, 5, 20], только он предлагает более тщательную проработку сетей, по которым циркулируют смыслы. Главное, Латур предлагает рассматривать их в динамике [36, с. 95].

Но, как видно, строгий эмпиризм, предложенный представителями АСТ справедлив, но только на первом этапе построения «историй». Вполне возможно, процедуры, реализуемые акторами, будут образовывать паттерны, например, группообразование, которые и потребуют некую типологию или метаязык, от

которого пытается уйти АСТ. Это уже не будет объяснением конкретных действий акторов или подменой их объяснений своими. Но будет объяснением на более высоком теоретическом уровне, сосуществующим со свободным от притязаний социологов миром акторов.

На теоретическом уровне применимо определение структуры, данное Н. Луманом. Структура — это то, что связывает коммуникации, упорядочивает действия и ограничивает допустимые связи. Сами структуры могут продолжать существовать и реактуализироваться и при замене элементов [30, с. 371–373]. Н. Луман применял понятие структуры к понятию системы, понимая последнею как самореференцию или конституирование своих элементов и элементарных операций через соотношение их друг с другом, используя различение системы и среды [30, с. 32]. Данное определение системы близко к тому, что Б. Латур называет актор-сетью, актором или просто объектом. Актор-сеть — существует благодаря связям и приводится в действие большой звездообразной паутиной втекающих и вытекающих посредников, то есть элементов [25, 303]

Исходя из вышесказанного структура — это то, что объясняет поток, понимаемый как распределенное действие или практика воплощающаяся в местах сопротивлений — объектах.

Итак, Процессно-ориентированная социология не отказывается от объяснения как методологического принципа. И кроме этнографических исследований, предлагается и позитивистская программа создания паттернов, обобщений, структур, перемещаясь с уровня эмпирики на более высокие уровни абстракции. В данной связи имеет смысл рассматривать применение принципов понимающей социологии [7], на базе формализма, моделирования, методологического индивидуализма и современных результатов исследований в естественно-научных областях исследования человека.

2.1.2. Пространства потоковых структур

Потоковые структуры не существуют сами по себе, они всегда где-то перемещаются, в каком-то пространстве, пересекая определенные места. И исходя из вышеизложенного, четко просматриваются три типа пространств: евклидово (географическое или материальное), семиотическое (смысловое) и пространство потоков. Но как уже было предложено ранее, пространство потоков и семиотическое продуктивнее рассматривать как одно, но имеющее разную степень текучести или изменчивости.

Но помимо евклидового и семиотического пространств необходимо также добавить временное пространство. Когда происходит изменение объекта, но при этом перемещения в евклидовом или географическом пространстве не происходит. Объект может перемещаться от места к месту не только в пространстве, но и во времени. Например, с течением времени развитие технологий и практик требует от старых институтов преобразований, но они недостаточно текучи, чтобы принять вызов и вовремя среагировать на запрос. Необходимость в подобных преобразованиях вызвана излишней неэффективностью устаревших сборок, будь это бюрократическая процедура, технология, политический миф или лечение болезни.

Двигаясь во времени объект не обязательно должен перемещаться в евклидовом пространстве. Подобное преобразование иллюстрирует пример со средневековым замком. Восприятие замка с течением времени трансформируется: сначала, как продукта инновационной военной инженерии или представительства власти, но спустя сотни лет он воспринимается уже как объект культурного наследия эпохи средневековья. В Семиотическом пространстве, в отличии от евклидового, изменения могут проходит как во времени, так и вне его. Например, когда сосуществуют два способа диагностики одной и той же болезни (анемии). Изменения происходят при переключении внимания исследователя от одного способа к другому, где время не имеет существенного значения.

Исследования, ориентированные на материальность (М. Кастельс, Дж. Урри), в рамках процессной социологии, концентрируются на связях объектов находящихся в сети взаимодействий. Исследуются пространственные перемещения физических объектов в евклидовом пространстве или пространстве регионов. Потоком выступают скоординированные движения объектов, таких как машины, мусор, идеи, люди, товары. Структурируют их направляющие ограничения.

Исследования в постструктуралистском ключе, проводимые Дж. Ло, Анн-Мари Мол, Б. Латур и др., подходят шире и, кроме уже действующих материальных потоков, требуют изучать любые репрезентации. То есть к первичным качествам, — устойчивым и продолжительно существующим структурам, — добавляются и вторичные, — частные репрезентации. Целью данных исследований является поиск консенсуса между акторами в деле производства более эффективных сборок в политическом смысле.

В данном семиотическом пространстве, течение проходит в пространстве времени, иногда, без перемещений в евклидовом пространстве. Наприме, рынок выражается в непрерывном колебании курсов и котировок акций [17, с. 307–341], замки разрушаются, а государства нуждаются в постоянной легитимации. Потоком тут выступает сама эмпирическая реальность, которая непрерывно движется, не замечая преград и доступная для наблюдения лишь через паттерны, в которые наблюдатель её схватывает. Но также течение возможно вне времени, при условии одновременного сосуществования нескольких или множества репрезентаций. Например, репрезентации болезни [50, с. 641–671], лечения или катастрофы. Естественно, речь идет о множественных репрезентациях одного объекта, между которыми и происходит перетекание данного объекта, так как мы всегда отождествляем саму репрезентацию и репрезентируемый объект. Так, объекты выступают потоковыми структурами, благодаря чему сохраняют свою форму при перемещении в каждом из пространств. Это возможно благодаря ядру устойчивых отношений, оставляющих объект тождественным самому себе, при

всех перемещениях в евклидовом, временном или семиотическом пространствах [9, с. 28]. Данное ядро является структурой объекта.

2.1.3. Согласие как обратная сторона текучести

В результате исследования работ представителей АСТ было выявлено то, что потоки практик, воплощенных в объектах, будь то репрезентации, вещи или технологии, перемещаясь в различных пространствах, изменяются по степени текучести. Течение может как быть, так и отсутствовать во всех трех пространствах: временном, евклидовом и семиотическом. Но наиболее интересным, с нашей точки зрения, является течение в области семиотического пространства, так как именно репрезентации реальности порождают новое, а их рефлексия позволяет достигать согласия воплощенного в эффективных сборках.

Текучесть условно можно разбить на четыре степени. Нулевая степень текучести предполагает отсутствие практики, нет ни объектов, ни течений. Первая степень характеризуется созданием новых репрезентации, акторы образуют связи, паттерны, иными словами — плетут сети. На второй степени, наблюдается уже не только создание нового, но работа внутри созданных сетей. На третьей, практика создания нового прекращается, и течение концентрируется только внутри сети, без привлечения акторов со стороны. И, наконец, степень четвертая. В случае согласования, происходит застывание потока переключений между конкурирующими практиками в одной из сетей репрезентаций, разделяемых всеми участниками. В сети действует одна репрезентация. Латур и Вулгар настаивают на том, что конструирование прекращается и поток застывает, когда сеть практик становится слишком большой и дорогостоящей для того, чтобы изменяться дальше. Но как показала А. Мол, может существовать довольно широкая и дорогая сеть практик и, тем не менее, содержать в себе множественные репрезентации одного объекта. Как пишет А. Мол, эпистемология должна интересоваться не референцией[18], а тем как скоординированы практики по

[18] В данном контексте, согласно А. Мол, референция – это, то насколько точно репрезентация отражает реальность

производству реальности. Каковы практические обстоятельства приведения в действие. Необходимо также выявлять уместность представленных задействований [34, с. 233–335].

Исходя из вышесказанного, остановка этой непрерывной реализации реальности возможна лишь в результате сознательного согласования практик. Хотя, в данном случае, подобный «союз» будет лишь временным решением, так как довлеющее течение времени, случайностей, технологического развития и других факторов будут вызывать новые разногласия. В таком случае, более рационально работать даже не только лишь над отдельными случаями разногласий, но и работать над самим методом конструирования согласия, которым, по сути, и является процессно-ориентированная социология.

В рамках АСТ Б. Латур ищет приемлемый способ доказать зависимость прочности, автономности, необходимости и устойчивости сборки от качества вложенной в её создание работы [22, с. 384]. Эта мысль слишком абстрактна, ведь набор критериев оценки чрезвычайно широк. Наиболее приемлемой, с нашей зрения, была бы корректировка показателей прочности и необходимости в сторону эффективности сборки, то есть подсчета затрат и целедостижения. Другими словами, эффективность сборки могла бы быть критерием согласия. Экономический подход дает возможность попытаться рассчитать стоимость создания и эксплуатации сборки, на основе анализа вложенной в её создание работы, а также степень достижения выработанной ансамблем цели. Подобную работу проводил Б. Латур, утверждая, что одним из самых дорогих продуктов в мире являются научные статьи. Развивая данную идею, можно проводить аналогичные подсчеты альтернатив, таким образом находя более необходимые и прочные ансамбли, будь это способ реабилитации пациентов, организация труда рабочих или политическая идеология.

Концентрируясь на данных вопросах процессно-ориентированная социология как часть прагматического поворота имеет перспективу *практического использования*. В более широком контексте процессный подход

помогает в раскрытии сложной конфликтной реальности, для последующего формирования общего языка для примирения конфликтующих реальностей.

2.2. Потоковые структуры коллективной памяти

Нововременная линза в социологических исследованиях привела к возникновению и распространению объектно-ориентированной социологии. Эта линза характерна прежде всего игнорированием процессной природы объектов, то есть их гибридности и изменчивости. Но процесс, именуемый Б. Латуром как практика «перевода», непрерывно множит число гибридов. Опираясь на концепцию несуществующего модерна, он утверждает, что фундаментальной практикой, в онтологическом смысле, выступает как раз практика смешивания различных объектов, в результате чего множатся гибриды. [24, с. 73].

Линза нового времени или модерна характерна тем, что описанная выше практика маскируется. И, на её место, внедряется и распространяется практика «очищения» непрерывно возникающих гибридов от их гибридности или смешанности. Данный процесс характеризуется разнесением составных частей гибрида по разным углам «онтологической зоны». В одном углу находится природа, объекты и не-человеки, а в другом, культура, субъекты и человек [24, с. 73]. Иначе говоря, происходит разделение на природу и общество. Из данного разделения исходят следующие две установки. Первая, что природа не конструируется и, что люди создают общество [24, с. 99]. Данная практика прекрасно отражена в данном Б. Латуром описании двуличности представителей нового времени. Он пишет, что они всегда провозглашали независимость научных суждений от политики, но при этом сила всегда основывалась на разуме, а разум на силе [24, с. 105].

Так, возникает третья практика, а именно критика доноововременных конструкций. Критика, созданная для того, чтобы разоблачить действующий гибрид и показать его ложность, в итоге обернулась против тех, кто её использовал. Главным инструментом критики был перевод трансцендентных

сущностей в имманентные, то есть перевод объектов из независимого от субъекта состояния в его конструкт. Изначально критика была направленна на человеческие предрассудки, мифы, суеверия. Она путем данной практики очищения изобретала науки о природе. В период второго Просвещения XIX века изобретаются науки об обществе, потенциал которых был использован критикой уже против науки о природе, то есть объектов, собранных под данной категорией. Затем критика опрокинулась на саму конструкцию общества. И, наконец, замыкая порочный круг в течении постмодернизма или самоотрицания, критика была направленна на самих критиков [24, с. 103].

Итак, Б. Латуром были выделены три типа практик: перевод, очищение и критика. Каждая из них является неотъемлемым элементом производства социальной реальности человека. Реальности, где циркулируют постоянно изменяющиеся объекты, созданные людьми либо в виде паттернов, характеризующих эмпирический опыт, либо в виде материальных объектов в виде орудий, игрушек или оружия. Данная реальность требует больших усилий для её создания, и более того, для поддержания её существования. Например, поддержание сохранности архивов, техническое обслуживание техники или содержание зданий.

Исключение из поля зрения практики перевода привело к «разбалансировке» реальности, и понимание подменилось спекулятивными объяснениями. Объекты потеряли свою историчность. В таком свете возникновение новых феноменов, вещей, репрезентаций представляется как чудо или революция, хотя каждая новация является результатом продолжительного труда по собиранию сети из разнородных объектов [24, с. 138].

Постепенно настигающий кризис объектно-ориентированных подходов, неспособных справиться с лавиной множащихся гибридов, и самой критики, разоблачающей саму себя, стимулировал рост интереса к процессам и внестандартным явлениям. Расширяется сфера процессного подхода. Возникает видение того, что несмотря на внешний и кажущийся независимым характер природы, она все же мобилизуема, гуманизируема и социализируема, например, в

рамках современного экологического движения и исследованиях цикличной (или циркулярной) экономики. Природа доступна нам через приборы и предсказуема в научных сетях. Ученые формируют репрезентации опираясь на широкую сеть из людей и вещей. Далее репрезентации расплываются в общественном пространстве, попадая в сети СМИ и политических партий, иногда вступая в конфликт с альтернативами. С другой стороны, видно непреступное общество со своим господством над маленьким человеком, несмотря на кажущуюся его подвижность, гибкость и мобилизуемость социальных сил [24, с. 103].

Если обобщить видимые процессы, то можно их охарактеризовать как движение имманентного в сторону трансцендентного, то есть движение сконструированных сущностей, репрезентаций, вещей в сторону устойчивых и независимых, то есть тогда, когда они начинают действовать и влиять на создавших их сети. Но вытеснение в трансцендентное не приговор, и объекты начинают двигаться в другую сторону, пересобираться, реконсолидироваться и репрезентироваться в других формах и проявлениях [24, с. 158–159] Данные объекты не принадлежат ни природе, ни обществу, ни языку [24, с. 132].

Применение процессного подхода выходит за рамки нового времени, вовлекая в сферу своего внимания не только практики очищения гибридов и разнесению их в разные онтологические полюсы природы и культуры, но и практики перевода или создания гибридов и их распространения. Речь идет о собирании сети, течениях внутри неё и постоянном процессе пристраивания. Кроме того, в некотором смысле следуя за Ч. Миллсом [33], мы считаем, что прослеживание сети, по сути, расширяет число зафиксированных сил, воздействующих на объект, увеличивая тем самым шансы для предсказания поведения объекта в аналогичной сети, если подобная будет найдена.

Одним из примеров гибридов выступает историческое сознание. Историческое сознание, будучи репрезентацией масштабной сети, то есть её производной, стремится предстать в объективном свете. То есть выдать себя за независимый от политики актор, всегда существующий и не требующий культивации. Особенно контрастно это выглядит на фоне столкновения двух

репрезентаций исторического сознания. Опираясь на исследования коллективной памяти в России выделяют два полюса или две памяти. Первая, национальная или официальная государственная память, и вторая, совокупность разрозненных местных сообществ памяти, именуемые все вместе как гражданская [47].

Используя процессный подход в исследовании исторической памяти можно раскрыть феномен национальной «первой» памяти, выступающей лишь вершиной масштабной сети, благодаря которой усиливается её убедительность в претензии на универсальность. Данный подход призван продемонстрировать, что ни один актор, сборка, сеть, а в данном случае, историческая память, не является самоценным, то есть истинным априори. Всегда есть роль убедительности и масштаба сети. Мощь сети, а не сила аргументации чаще определяет успех [24, с. 40].

Абсолютизация версии исторического сознания будет наивным реализмом, с другой стороны, нельзя сказать, что версии прошедших событий никак не связанны с эмпирической реальностью в прошлом и являются исключительно продуктом акторов сети, иначе мы становимся на сторону наивного конструктивизма. Процессный подход предлагает рассматривать факты как действительно действующие, то есть существующие, а сила их действия уже зависит от масштаба сети. Чем больше сеть, тем более убедительна версия исторического сознания.

Конкурирующие памяти, в качестве сетей материально-семиотических сетей и их репрезентаций, сталкиваются, добиваясь большей убедительности в умах акторов. В данном случае мы видим столкновение сил памяти, где каждая стремится быть более убедительной и занять универсальную позицию. Каждая сеть производит память как средство для достижения определенной цели. Так, можно выделить два полюса. Полюс этатизма, и второй, полюс прав человека. Первый, направлен на конструирование идентичности патриота, для последующей эксплуатации государством в качестве мобилизационного ресурса. Второй, собирает образ жертвы, для предостережения от возможного повторения

трагических событий, имевших место, как правило, в результате работы тоталитарных режимов или экологических катастроф по вине человека.

Данный подход позволяет видеть проблему комплексно. Под прицел исследователя попадает не один актор сети, подобный вершине айсберга, который выдаёт себя за самостоятельного актора, но вся сеть, что производит или воспроизводит определенную репрезентацию или сборку. Исторические репрезентации не могут существовать вне тех сетей что их воспроизводят иначе о них просто не узнают, а те что знают — забудут. Например, в деле противостояния сетей памяти стоит обращать внимание не только и не сколько на сами исторические факты, а на конфигурации сети их представляющей, то как она работает, поддерживая свое существование, каким ресурсом обладает и как была создана, как может быть усилена или ослаблена.

Более того, репрезентация коллективного сознания внутри одной сети совершенно неоднородна. Это поток, или постоянно изменяющийся объект, пребывающий в процессе перемещения от одного актора сети к другому. Так, можно прослеживать то, как данный объект изменяется в тех или иных местах сети, как акторы повлияли на действующую конфигурацию репрезентации, как действующая первая память стала такой какой мы её знаем и как она развивается в данный момент.

Исследование коллективной памяти. Проблема согласия чрезвычайно актуальна для России на данном историческом этапе. Последнее десятилетие средством достижения согласия выступает политика, направленная на создание образа прошлого. Риторика акторов политического пространства РФ касательно истории, что сосредоточена вокруг темы исторической политики, лишь подтверждает данный тезис. Предложенная президентом России В. Путиным инициатива создания единого учебника истории[19] Советник министра культуры А. Сорокин, солидаризируясь, цитирует министра культуры В. Мединского: «Единый

[19]См.: Карпюк И. Одна на всех / Полит.ру. URL: http://polit.ru/article/2013/04/24/history/ (дата обращения: 05.05.2017)

подход к истории задается либо государством, либо кем ни попадя»[20]. Лидер партии «Яблоко» Г. Явлинский призывает дать четкую оценку двум революциям 1917 г., аргументируя это тем, что невозможно двигаться вперед, не осудив события октября[21]. Г. Зюганов, Председатель ЦК КПРФ, призывает объединять «все лучшее», то есть сконструировать историческую память в строго позитивном ключе, культивируя миф о золотом веке[22]. Одной из главных точек напряжения в споре между сторонниками современной российской оппозицией и сторонниками власти — это опыт 90-х годов. Используются различные интерпретации этого периода, оценки, с выстраиванием собственных причинно-следственных связей, для оправдания или осуждения практик, реализуемых уже в наше время[23]. В данном случае этот спор можно обозначить как борьбу двух мифов: мифа об упадке и мифа о возрождении. Данные социологических опросов можно проинтерпретировать как свидетельство разобщения в обществе на базе коллективной памяти, и, что еще хуже, об отсутствии диалога между разобщенными группами[24][25][26]. Можно сказать, что мы наблюдаем множество сетей внутри которых циркулируют репрезентации исторического прошлого России.

---

[20]См.: Сорокин А. Владимир Мединский: Единый подход к истории задается либо государством, либо кем ни попадя / Однако. URL: http://www.odnako.org/magazine/material/vladimir-medinskiy-ediniy-podhod-k-istorii-zadaetsya-libo-gosudarstvom-libo-kem-ni-popadya/ (дата обращения: 05.05.2017)

[21] См.: «Российские параллели: 1917 — 2017». Лекция Григория Явлинского / Новая Газета. URL: https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/03/29/71956-lektsiya-grigoriya-yavlinskogo-rossiyskie-paralleli-1917-2017 (дата обращения: 05.05.2017)

[22] См.: Г.А. Зюганов: «Давайте возьмем все лучшее из нашей тысячелетней истории» / Московский городской комитет КПРФ. URL: https://msk.kprf.ru/2017/01/24/22168/ (дата обращения: 05.05.2017)

[23] См.: Слободчикова О. "Лихие" или "разные": почему в России снова спорят о 90-х? / Русская служба BBC. URL: http://www.bbc.com/russian/society/2015/09/150924_90s_argument_russia (дата обращения: 05.05.2017)

[24] См.: Октябрьская революция / Левада центр. Пресс-выпуски. URL: http://www.levada.ru/2017/04/05/oktyabrskaya-revolyutsiya-2/ (дата обращения: 05.05.2017)

[25] См.: Фигура Сталина в общественном мнении / Левада центр. Пресс-выпуски. URL: http://www.levada.ru/2016/03/25/figura-stalina-v-obshhestvennom-mnenii-rossii/ (дата обращения: 05.05.2017)

[26] См.: История России / Левада центр. Пресс-выпуски. URL: http://www.levada.ru/2017/03/22/istoriya-rossii/ (дата обращения: 05.05.2017)

23 января 2017 г. в Комитете гражданских инициатив был представлен экспертный доклад «Какое прошлое нужно будущему России», подготовленный Ассоциацией «Вольное историческое общество» (ВИО) по заказу КГИ [47]. На материалах данного исследования мы хотим продемонстрировать возможности применения концепции потоковых структур. Принципиально важно, что исследование проводилось не методом опроса, а глубинного интервью. Таким образом, социологи избежали ловушки навязывания интервьюером своих или государственных идеологем (о которых далее в тексте) респондентам. Респонденты разворачивали собственные сети и позволяли исследователям двигаться дальше, сталкиваясь с множественными репрезентациями реальности.

«Коллективная память» в России прекрасно подходит для иллюстрации работы потоковых структур. Так как «коллективная память» не является большим нарративом, то есть устоявшейся сетью, включающей в себя всех граждан России и не имеющей внутри множества потоков репрезентаций. Хотя есть тенденция навязывания именно такого образа. На деле это утопичная картина, нигде в мире не существует такого тотального единодушия. Напротив, существует огромное число сетей, иногда связанных между собой, а иногда нет, по которым циркулирует потоки множественной коллективной памяти. И задачей данного исследования было показать их существование и те столкновения, в которые они вступают с мета-нарративом. Если учитывать международный контекст, то необходимо рассматривать мета-нарративы международных организаций, политических союзов, государств, и отдельных регионов. Они так же являются сетями, которые распространяют собственные репрезентации, в том числе, значительно влияя на сети, локализованные в России.

Память о том, что было в прошлом, как известно, плохо хранится в гиппокампе[27], поэтому для её сохранения используются широкие распределенные сети практик, воплощенных в различных акторах. Такие сети называются «сообществами памяти», то есть это такие сообщества, где все члены группы разделяют общие формы памяти. Они довольно жестко структурированы

[27] часть лимбической системы головного мозга (обонятельного мозга). Участвует в механизмах консолидации памяти (то есть перехода кратковременной памяти в долговременную).

«акторами памяти». Акторы памяти — это элементы сети, которые сохраняют, ретранслируют репрезентации и также могут их создавать, что именуется как «работа памяти». Среди таких акторов выделили: работников музеев и краеведов, журналистов (исторической тематики), школьных учителей истории, историков, авторов учебников, активистов исторических движений.

В докладе сказано о тенденциях, то есть о доминирующих репрезентациях, в коллективной памяти. Первая, это акцент на «победах», «героях», «золотом веке» и т.д. Вторая, сосредоточена на судьбе «простого человека», «жертвах» и «трагедиях». Так сети коллективной памяти располагаются по спектру между этими двумя крайними модусами. А акторы пребывают в постоянном движении перетекая то ближе к одному полюсу, то к другому [47, с. 14]. Как утверждают авторы, космополитические и локальные сети памяти сообща вытесняют национальные (государственные) сети памяти, придерживаясь модуса памяти жертв репрессий, государственных преступлений, колониального прошлого, геноцида, техногенных и природных катастроф. Здесь и далее приводятся прямые цитаты ответов респондентов, выдержанные из текста доклада:

«Я считаю, что если говорить вот так в целом о проблемах исторического сознания, я считаю, что у нас в историческом сознании России продолжается Гражданская война. [...] Внешне мир изменился, но я встречаюсь с людьми, которые будто вчера вернулись с Гражданской войны, у них пистолет в кобуре и завтра, им разреши, они начнут отстреливать людей. Что с этим делать? Если бы у меня были какие-то рычаги и механизмы, если бы я лично мог как-то влиять, я считаю, что нужно каким-то образом искать примирения. Вот как с этими ребятами поступить, что с ними делать, что их тоже отстреливать или что? Очевидно, должен быть диалог внутри, межнациональный. [...] Что так же, как в годы перестройки Горбачев провозгласил общечеловеческие ценности, что Советский Союз должен придерживаться общечеловеческого класса. Мы должны в России, мне кажется, вводить общеисторические ценности. [...] И очевидно, что та Россия будущего, которую вы просите меня обрисовать, она должна в своем историческом сознании принять эту революционную Россию. И

православную традицию, и другие религиозные традиции. Что-то, видимо, надо взять и из советского общества. Но это не должно быть какое-то механическое соединение, это должно идти на уровне какого-то внутреннего приятия, сознания, где люди просто должны любить друг друга, уважать друг друга и уважать свою историю. И то, что нас разделяет, оно должно перестать быть причиной желать кого-то убивать. Должно что-то появиться, что преодолевает противоречия. Этого нету. Я не знаю, как этого достичь и возможно ли этого достичь в России. Но то, что разжигать эту рознь между либералами, коммунистами, националистами — это путь деградации.» (А, краевед) [47, с. 62]

Данный отрывок иллюстрирует видение информантом ситуации сквозь призму компонентов метафоры Гражданской войны, когда наблюдается раскол видения прошлого по идеологической линии: либерализм, коммунизм, национализм, и этот раскол подпитывает непрекращающиеся конфликты внутри российского общества. Но лишь на идеологии невозможно выстроить разделяемый многими нарратив, нужна работающая сеть.

Исследования выявило множество сетей памяти, но также проявилась отчетливая асимметрия между одной сетью репрезентаций (государственной) и всеми остальными, в рамках государства. Одна из сетей достаточно широко разрослась, обладает большой устойчивостью и союзниками. Её структурирование обеспечивается такими акторами, как государственный праздник (День Победы), государственные мемориалы, государственные музеи, триумфальный нарратив в кино и литературе при поддержке государства, аппарат центральной власти, сети коммуникаций по властной иерархии как по вертикали, так и по горизонтали (между чиновниками одного ранга). Как видно данная сеть обладает несравнимо большим ресурсом поддержки, консолидирована и способна подавлять сети памяти меньшего масштаба. Подобная ситуация возникла из-за продолжительной монополии государства на строительство сети памяти, внутри которой циркулировал единый нарратив. Данная сеть условно носит название «Первая память».

В совокупности все остальные сети памяти гораздо больше по числу акторов, но так как они не консолидированы, то есть децентрализованы, их преимущество теряется, а голос неслышен. Данные сети именуются как «Вторая память» и структурируются такими акторами: интернет платформы (чаще всего «социальные сети»), общедоступные архивы, публичные библиотеки, открытые базы данных, частные и общественные события и памятники, ограниченные сообщества, образовательные программы, независимые или частично независимые музеи с интерактивной концепцией.

«Какая у нас проблема, я не знаю, характерно ли это для Москвы, думаю, что характерно, просто не так бросается в глаза. У нас был [старое название города] 300 лет, потом он недолгое время был [советское название города], потом была [война], а потом он стал [городом Г]. Среднестатистический житель города какую-то историю знает, только начиная [с войны], с середины прошлого века, а что было до этого — это то, что было до рождения мира. Если человек — не профессиональный историк, или не профессиональный дилетант, который этим интересуется, то скорее всего, там ничего не будет, там потемки были.» (Г, краевед) [47, с. 74].

Как видно, отсутствие сети пяти в городе Г, или не включенность горожан в слабую сеть профессиональных историков приводит к тому, что история города до войны воспринимается, по словам краеведа, как период «до рождения мира».

Далее отрывки из интервью иллюстрирующие акторов сетей «второй памяти»:

«То есть наш дизайнер нарисовал всё по истории [города Е] шестьдесят сюжетов. Там вложена книжечка, которая объясняет каждый сюжет. И вот, ну, как бы в увлекательной форме ребята могут играть. Обычная игра-ходилка. Чем ещё хорошо, что они от гаджетов, в принципе, это уже для них новое. То есть гаджеты это для них как бы понятно и вообще просто, а вот это, вот это ещё надо понять, как играть. Ну, и плюс, что и с родителями могут это делать. Родители в это время будут ему читать этот сюжет, если они не знают ничего.» (Е, краевед) [47, с. 74].

«Сейчас я заканчиваю книгу о Троцком. Дальше, ЕБЖ [если буду жив], будет сборник очерков, условно говоря, листая архивные страницы. Один очерк называется — конокрад, который попал в постановление ЦК, это было целое социальное явление, потому что слова коррупция не было, а коррупция была и тогда. У него была крыша — милиция и судьи, и он был безнаказанный.» (Б, историк) [47, с. 75].

«По истории данного лагеря и заключенных. И будет виртуальная экспозиция. Можно будет пройтись, заглянуть в одно, второе, третье здание — что внутри. Можно познакомиться с распорядком дня. Планируем сделать интерактивные анимированные действия «Один день в лагере [...]. Вопросы и ответы. И какие-то фигурки при этом куда-то движутся. Вот, в семь часов подъем. Вы встали. Вы должны быть в таком-то месте, вы опоздали на пять минут. Что вас ждет? [...] Или: я заключенный, я двигаюсь по лагерю, пришел туда-то. А там меня — стоп! И наказание. [...] Это начальная стадия. И что, все-таки, предполагается в качестве готового продукта. Это должен быть настоящий виртуальный музей. А музей — это центральная экспозиция и база к ней. Фундаменты все к ней. Виртуальные экспозиции — это выставки, которые сменяются.» (А, активист) [47, с. 75].

«Я предложила сделать... они говорили, что уберут Ленина там, да, и не знали, что здесь делать. И я предложила, что, например, есть памятник Марине Цветаевой в Елабуге, и всё завязано там, хотя она там пробыла недолго. Там у них и музей в Елабуге Марине Цветаевой, всё привязано. Я говорю: «А у нас есть свои тоже люди. Например, [...], которая у нас всю жизнь посвятила [городу Д] и написала много книг о Чердыни и в прозе и в стихах». И я говорю: «Почему бы не сделать у нас площадь, посвящённую [...]?» Но не только ей, но и говорить о тех людях, которые воспевали [город Д]. Вот такое место культурное, куда бы люди могли приходить, и предложила там сделать лавочки, там фонарики какие-то, ну, такое приятное место для отдыха, для культурного взаимодействия. Вот. Эта идея была поддержана.» (Д, сотрудник музея) [47, с. 76].

«У нас есть традиция, когда каждый год мы проводим небольшие семинары или конференции, которые посвящены выдающимся деятелям [...] просвещения. Это продолжается несколько лет, центр проводит, уровень конференции зависит от личности, которой она посвящена. Несколько лет назад был юбилей [...], мы думали, что это фигура большая и значимая, будет много конференций, а мы проведем небольшой круглый стол и какие-то свои вопросы будем решать. Но оказалось, что ни в [...], нигде, больше не было ни одной конференции, посвященной этому юбилею, она была единственная, запланированная, и она выросла в более-менее крупное мероприятие, и сборник потом пользовался спросом у коллег, хотя это начально было наше маленькое мероприятие, которые мы традиционно проводим.» (Б, историк) [47, с. 76].

Как видно, в отрывках представлены элементы сети «Второй памяти»: книжка с историями и иллюстрациями о городе Е и «игра-ходилка»; книга о Троцком и сборник очерков (одни очерк «конокрад»); виртуальная экспозиция с элементами интерактива, которая в перспективе рассматривается как музей; городская площадь, посвященная важному для города Д человеку; семинары и конференции, посвященные выдающимся деятелям города Б.

Сеть «Первая память» выступает проблемой для совокупности малых сетей «Второй памяти», так как она воспринимается ими как угроза, в частности, из-за неоднократных попыток унификации исторической памяти, причем в одностороннем порядке, а не через широкую дискуссию. Далее информанты, будучи представителями «Второй памяти», повествуют об опыте столкновения сетью «Первой памяти», разворачивая своё видение возможного с ней взаимодействия.

«Я считаю, что государство должно регулировать только какие-то основные моменты, которые связаны с общими подходами, с общими требованиями. То есть, особенно это чувствительно для России, учитывая, что мы имеем негативный опыт тоталитарного общества, и очень важно сохранить те позитивные моменты, которые имели за последние годы. И здесь государство должно быть только регулятором, который следит за

предоставлением равных возможностей, за равными требованиями и так далее. но государство не должно непосредственно вторгаться в профессиональную сферу, в содержательный аспект. То есть, к сожалению, сегодня, все, кому ни лень, начинают заниматься историческим образованием» (Б, историк) [47, с. 65].

«Ведь смотрите, что получается: Присоединение города Д к Московскому государству. Москва взяла под свою руку", и так далее и тому подобное. Да, хорошо, интересно, если какую-то государственную доктрину, культурную такую, обосновать, такую имперскую, как её называют ещё иногда. А если посмотреть глазами местного жителя, это не что иное, как аннексия. То есть пришла [...] и более, так скажем, слабое княжество, по большому счёту, удельное, взяла и подмяла под себя. Вот и всё, что мы имеем на этот момент. Тем более язычество исчезло, практически, на корню, православие просто-напросто и огнём, и мечом в том числе, покорило эту землю. То есть, если посмотреть здравомыслящему человеку на такую вещь под таким аспектом, получится, что не всё так и гладко. Вот я и говорю, что нельзя людям подавать вот всю эту вещь историческую, ход исторического, по крайней мере, процесса как-то однобоко. Только... только, желательно, с разных точек». (Д, краевед) [47, с. 60].

«Мне кажется, это важнее человеку, когда он научится жить в таком многогранном мире, он не так остро будет переживать свои какие-то неудачи. Он будет и себе позволять быть разным, и другим будет позволять быть разными, и научится их прощать. Понимаете, когда мир четко в двухцветной гамме, тогда «я прощаю или не прощаю», полутонов-то нет. И тогда я и с собой в ладу быть не могу, потому что я себе тоже что-то не могу простить. А как тогда жить, не в ладу-то с собой?» (А, учитель) [47, с. 60].

«Понимаете, если ученикам показывать только эту сторону, не показывая достижений советской поры, то мы отторгаем самый успешный период нашей истории. А на чем будем воспитывать патриотизм, в котором сегодня нуждается Россия? Сегодня реальные угрозы для России обозначились. Как воспитаете патриотизм, на чем? На репрессиях? Только ненависть можно

воспитать. Отрицание прошлого можно воспитать. Но патриотизм не воспитать никогда. В этом плане нужны какие-то примеры. Советский период очень богат на примеры для молодежи. Очень богат, очень.» (А, историк) [47, с. 61].

«Не надо никому ставить оценку, нужно просто рассказывать конкретную историю... Люди не идиоты, они сами могут сделать эти выводы. Можно уйти от этой пропаганды. Но с помощью этого можно сделать выводы и заботиться о любом, независимо от того специалист это или старик, или младенец.» (З, сотрудник музея) [47, с. 59].

Активист из города Б так говорит об акции Бессмертный полк: *«Когда она начиналась, это было движение гражданское, оно вызывало у меня большую симпатию. [...], дочь солдата, которого мы нашли, она мне писала и присылала фотографию: «Я шла с портретом отца, которого вы нашли». И мы понимаем, насколько для неё это важно. А потом, когда это оседлали власти, буквально оседлали, увидели народное гражданское движение. Но что мы видели после этого? Власти же не умеют. Я видел студентов, которых пригоняют на эту акцию, видел фотографии брошенных плакатов. Зачем это? Такое ощущение, что ко всему, к чему они притрагиваются, они пачкают.»* (Б, активист) [47, с. 67].

Интервью указывают на неравные отношения между сетями памяти. Используя широкий доступ к сетям средств массовой информации, государство внедряет определенные идеологемы, затем по ним проводит опросы, и предъявляет результаты населению, как уже устоявшуюся репрезентацию реальности. Создается определенный миф о том, что история России косна и неподвижна. Выражаясь в наших терминах, воспроизводится миф о том, что историческая память находится на четвертом этапе степени текучести, то есть существует лишь одна репрезентация, и она циркулирует по каналам, выстроенным структурами государственных акторов.

Выявленная практика вытеснения более крупной сетью «Первой памяти» репрезентаций малых сетей «Второй памяти» вызывает естественное сопротивление последних. В докладе приведены примеры возможного

сопротивления малых сетей «второй памяти» «первой» за счет выхода на инфраструктуру мощных международных сетей гражданских организаций, объединений, фондов и т.д. Первый пример из Индии, о резонансе вызванном аварией на химическом заводе в Бхопале. Акторы памяти, — участники движения, — пытались разворачивать сети поддержки памяти жертв аварии, но государственная сеть была не в состоянии включить выдвинутую репрезентацию в свою инфраструктуру. Тогда сеть активистов нашла канал обмена с международной сетью экологов. Был выработан общий язык: борьба за «экологическую справедливость», что позволило выйти на большую сеть, существующую в мировом масштабе, для распространения собственной репрезентации локальной катастрофы. Аналогичный по форме случай с локальным инцидентом «Кровавое Воскресенье». Случай, когда в 1972-м году военные расстреляли группу мирных демонстрантов. Тогда акторы памяти вышли на инфраструктуру международной сети борьбы с последствиями колониализма, изменив язык репрезентации в терминах колонизации [47, с. 16].

Мы считаем, что важно уделять внимание разработке такой структуры, которая бы позволяла налаживать и поддерживать контакт между различными сетями памяти. Создать каналы перевода или общий язык, связывающий множество сетей «второй памяти» с доминирующей сетью государства «первой памяти» и, также, между собой. На сегодняшний день государственная машина сильно забюрократизирована, доступ к иностранным грантам ограничен, отсутствуют навыки обмена положительным опытом. Частичное решение данных проблем, будет приводить к высвобождению потоков исторической памяти, способствуя развитию общего пространства взаимообмена и, если будет существовать общественный запрос, то поиска общего нарратива, без ущемления и дискриминации частных и местных репрезентаций.

Заключение

В данной работе были разработаны два идеальных типа: объектно-ориентированный и процессно-ориентированный подходы в социологии. Первый, характеризуется тем, что в его рамках используются понятия и концепции, описывающие объекты исследования как статичные и неподвижные. Наиболее распространенными являются понятия структуры, системы и порядка. Второй, процессный тип, раскрывает такой подход социологии, который учитывает динамику и изменчивость объектов. В рамках данного подхода порядок выступает аномалией в отличии от изменения.

На базе представленных идеальных типов объектно- процессно-ориентированной социологии была раскрыта динамика развития процессной ориентации в современных социологических теориях. Для этого, прежде всего, выявлены понятия и концепции, указывающие на объектную ориентацию некоторых подходов в классической социологии. Среди них понятие аномии, концепции порядка и института как социального факта, и метафора организма у Э. Дюркгейма. Использование модели структуры, социальной системы и социального действия для описания социального порядка, и аспектов воспроизводства существующей системы у Т. Парсонса. Наконец, концепция культурной структуры и аномии у Р. Мертона, развивающего традицию изучения социального порядка в рамках большого направления функционализма.

Проделанный анализ позволил сформировать теоретический полюс, оттеняющий новую тенденцию, которая начала его постепенно вытеснять. А именно внедрение подходов, концепций, понятий, метафор и методов, ориентированных на процесс, под общим названием концепции потоковых структур.

Были представлены различные реализации концепции потоковых структур в современных социологических теориях, в разной мере ориентированных на исследование процесса. Так как исследования глобализации проводились в более ранний исторический период, чем исследования в рамках предложенной в данной

работе версии акторно-сетевого подхода, мы решили начать именно с них. Были рассмотрены такие концепции, как концепция потоковых структур М. Кастельса, концепция текучей современности З. Баумана и концепция мобильности Дж. Урри, которая в основе своей вступает призывом к использованию «мобильных» метафор для описания процессуальности социальной реальности. Данный пул исследований характеризуется совей ориентацией на материальные потоки. М. Кастельс пишет о пространстве из телекоммуникационных сетей и дорог, по которым перемещаются последовательности обменов и взаимодействий между физически разъединёнными позициями, занимаемые акторами в различных структурах общества. З. Бауман описывает трансформацию материального производства, превращающего повседневность в турбулентную среду, где каждый новый день непредсказуем. А Дж. Урри прямо пишет о необходимости исследований перемещений вещей, товаров, людей, технологий, отходов, образов и т.д. и тех последствий, которые они вызывают.

Далее, была раскрыта преимущественно процессная ориентация подходов под общей рамкой акторно-сетевой теории. Прежде всего, это онтологическая, и следующая за ней методологическая база, представленная Б. Латуром и Дж. Ло. В неё входит реляционная онтология, как онтология действия и отношений, а не сущностей и субстанций. То есть, принимается аксиома о возможности существования только в действии, что выражается в отношениях (реляциях). Социальное в рамках данной онтологии переопределяется, и предстаёт в виде потоков действий, которые существуют, концентрируются, создаются и передаются благодаря посредникам. Было определено, что в рамках данной онтологии проводят свои исследования А. Мол, используя концепцию «множественной реальности»; Д. Харауэй работающая с метафорой киборга, которую она использует для описания множественной и изменчивой идентичности индивида; Кнорр-Цетина, выделившая концепт изменчивых и раскрывающихся «эпистемических объектов».

Кроме реляционной онтологии, нами была выделена процессная. Данная онтология выставляет (или снимает) ограничения на способ работы с

эмпирической реальностью, в следствии чего объекты воспринимаются, как доступные в чувственном восприятии, благодаря их конструированию наблюдателем в момент наблюдения. То есть принимается установка на то, что все, что фиксируется человеком в процессе наблюдения за объектом, не более чем паттерн или репрезентация, собранная в данный момент времени и конкретном месте, а не сам объект. Следствием данного тезиса является признание факта нагромождения или добавления к уже существующим объектам еще большего числа объектов их «описывающих». Хотя на практике действующих с ними параллельно, став полноценной частью реальности. Другими словами, из данной онтологической установки выплывает перформативный подход.

Далее был проанализирован «метод-сборка», предложенный Дж. Ло как метод, характеризующий процессный подход в социологии. В результате чего было выявлено, что в его основание входят рассмотренные выше реляционная и процессная онтологии, принцип перформативности и генерализованной симметрии, как неприятие разделения на «социальное» и «материальное».

Во второй главе была произведена концептуализация потоковых структур, где под потоковой структурой, понимается распределенное действие или практика, воплощающаяся в местах сопротивлений в объектах (акторах), образуя таким образом сеть отношений. Сами потоковые структуры доступны для познания как на эмпирическом уровне, так и на более высоком уровне абстракции, где можно также пробовать создавать структуры, более общие, чем те, что создаются на эмпирическом уровне.

Выделено три типа пространств перемещения потоковых структур: временное, евклидово и семиотическое. В евклидовом или географическом пространстве материальных объектов потоком выступают движения объектов, таких, как люди, вещи, товары, машины, отходы, материально выраженные идеи и образы в виде световых сигналов или материальных носителей. Семиотическое пространство добавляет к выше обозначенным потокам еще и потоки репрезентаций, когда смысловые потоки, собранные акторами, перемещаются внутри сети между акторами или сменяют друг друга с течением времени. И,

наконец, временное пространство, где потоком выступает движение самой эмпирической материально-семиотической сети во времени.

В зависимости от степени подвижности или текучести потока предложено четыре состояния, в которых пребывает практика, от сверхподвижного и инновационного, до фиксации на единой репрезентации в рамках созданной сети. Нулевая степень соответствует бездействию. Первая, описывает создание новых репрезентаций. Вторая — создание новых и движение по уже созданным каналам. Третья — концентрацию исключительно на движении уже внутри созданной сети. Наконец, четвертая степень, когда акторы, согласовав множественность, превращают её в единственность. Другими словами, формируется единственная репрезентация или объект, выраженный, например, в понятии, технологии, практике, продукте и т. п.

Для иллюстрации представленной концепции потоковых структур были использованы результаты исследования коллективной памяти, проведенного ассоциацией «Вольное историческое общество». В качестве модели были использованы описанные в исследовании сети памяти. «Первая» государственная память и «вторая» память «снизу», состоящая из множества, часто не связанных между собой, сетей. В работе продемонстрированно то, как рассмотренные сети не могут существовать без постоянного воспроизводства практик, то есть без поддержки. Репрезентации внутри сетей подвергаются постоянному пересмотру, тем самым обеспечивая непрерывную их циркуляцию и наслоение, как следствие накапливания исторического опыта и работы акторов сети. Представленные сети приходят в прямое столкновение стремясь распространить свою репрезентацию исторической памяти или нарратив в социальном пространстве, серди как можно большего числа людей. Данный конфликт, как и все остальные конфликты, возможно разрешить двумя путями: либо через силовое навязывание, либо через диалог и приумножения накопленного опыта солидарности. Благодаря подобным исследованиям, происходит рефлексия протекающих процессов в сфере исторической политики, сначала на уровне исследовательского сообщества, и

возможно, далее, на уровне общества. Данный процесс будет существенным вкладом в дело движения по построению общего мира.

В результате проведенного теоретического исследования было выявлено широкое распространение различных вариаций концепции потоковых структур в современных социологических теориях. Конечно, в исследование не попали все социологические теории, поэтому нельзя судить о тренде в сторону процессуальности в масштабах всей социологической теории. Но исходя от обратного, если рассматривать доминирующие социологические теории XX в., то можно утверждать, что именно их преимущественная объектная ориентированность, несмотря на безупречный теоретический язык, стала причиной отказа от данных теорий. Напротив, процессная ориентированность социологических подходов под общей рамкой акторно-сетевая теория послужила драйвером их популярности и, главное, применимости в современных условиях динамично меняющегося мира с размытыми границами. Процессно-ориентированная социология, тесно связанная с критическим и эмпирическим крылом социологии, продолжает традицию разоблачения объектов, то есть выявления их сконструированности; одновременно проводя описание и производя объяснения, опирается на детальные эмпирические исследования, проведенные с использованием процессных метафор, концепций и методов, как, например, метод-сборка.

Несмотря на тенденцию вытеснения объектно-ориентированной социологии процессной, на данный момент все ещё сильна ориентация на статичность и неподвижность. Но ускоряющаяся и изменчивая реальность заставляет пересматривать старые паттерны, образцы поведения и объекты. Более того, новых конструкций возникает слишком много, и они существуют слишком недолго, чтобы иметь возможность продолжать классифицировать их классическим способом, загоняя в определённые рамки. Адекватным ответом на данный вызов является усиление процессуального тренда, заключающегося в ориентации не на продукт сборки, а на саму практику. Так, исследователь поднимается на более рефлексивный уровень относительно конструирования

эмпирических паттернов и теоретических обобщений. Поэтому, сегодня процессно-ориентированная социология является критически важным и необходимым инструментом в изучении социальной реальности.

Опираясь на проведенное исследование процессуальности в современных социологических теориях, социологи могут рационально привносить процессуальность в свои исследования используя концепции потоковых структур, тем самым расширяя исследовательскую оптику.

Список литературы

1. Астахов С.С., Гавриленко С.М., Писарев А.А. Акторно-сетевая теория: незавершенная сборка // Философско-литературный журнал Логос. 2017. № 1 (27). С. 1–40.
2. Бауман З. Текучая современность / З. Бауман, под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
3. Блур Д. Анти-Латур // Философско-литературный журнал Логос. 2017. № 1 (27). С. 85–134.
4. Блур Д. Ответ Бруно Латуру // Философско-литературный журнал Логос. 2017. № 1 (27). С. 163–172.
5. Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Философско-литературный журнал Логос. 2002. № 6 (5). С. 35.
6. Бобова Л.А. Мануэль Кастельс: влияние сетевого общества на характер социальных коммуникаций // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 5 (32). С. 213–220.
7. Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения / Р. Будон. М.: Аспект-Пресс, 1998. 284 с.
8. Вахштайн В. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потоки» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. 2005. № 1 (4). С. 94–115.
9. Вахштайн В. Джон Ло: социология между семиотикой и топологией // Социологическое обозрение. 2006. № 1 (5). С. 24–29.
10. Вахштайн В. «Поворот к материальному»: тридцать лет спустя // Социология власти. 2015. № 1 (27). С. 8–16.
11. Гоулднер А.У. Наступающий кризис западной социологии / А.У. Гоулднер. СПб.: Наука, 2003. 576 с.
12. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм. М.: Канон, 1995. 352 с.

13. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. М.: Канон, 1996. 432 с.
14. Иванов Д.В. К теории потоковых структур // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 8–16.
15. Круталевич А.Н. Мобильность как ценность в «западных» теориях современной культуры // STUDIA CULTURE. 2014. № 22. С. 100–106
16. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс, под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
17. Кнорр-Цетина К., Брюггер У. Рынок как объект привязанности: исследование постсоциальных отношений на финансовых рынках // Социология вещей. Сборник статей / под ред. В. Вахштайна. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 307–341.
18. Кнорр-Цетина К. Социальность и объекты. Социальные отношения в постсоциальных обществах знания рынках // Социология вещей. Сборник статей / под ред. В. Вахштайна. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 267–306.
19. Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери // Неприкосновенный запас. 2004. № 34. С. 5–19
20. Латур Б. Дэвиду Блуру… и не только: ответ на «Анти-Латур» Дэвида Блура // Логос. 2017. Т.27. №1 С. 135–163
21. Латур Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Социология вещей. Сборник статей / под ред. Вахштайна. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 342–365.
22. Латур Б. Надежды конструктивизма // Социология вещей. Сборник статей / под ред. Вахштайна. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 365–390
23. Латур Б. Об интеробъективности // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 2. С. 79–96.

24. Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии / пер. с фр. Д. Я. Калугина, под науч. ред. О.В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. 240 с.
25. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур, пер. с англ. И. Полонской, под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 382 с.
26. Латур Б. Политика объяснения: альтернатива // Социология власти. №8. 2012. С. 133–144.
27. Ло Д. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 32–35.
28. Ло Д. Оптика опроса // Социология власти. 2012. № 4–5(1). С. 218–239.
29. Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука / Д. Ло. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 352 с.
30. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Н. Луман, под ред. Н. А. Головина. СПб.: Наука, 2007. 648 с.
31. Мальцева Д.В. Проект спасения социологии в акторно-сетевой теории Б. Латура // Мониторинг общественного мнения. 2014. №6 (124). С. 3–14.
32. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 873 с.
33. Миллс Ч. Социологическое воображение / Ч. Миллс, пер. с англ. О. А. Оберемко, под ред. Г. С. Батыгина. М.: Издательский Дом NOTA BENE, 2001. 264 с.
34. Мол А. Множественное тело // Социология власти. 2015. Т. 27. № 1. С. 232–247.
35. Назарчук А.В. Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого общества // Вопросы философии. 2012. № 9. С. 56–66.
36. Напреенко И.В. Семиотический поворот в STS: теория референта Бруно Латура // Социология власти. 2013. №1–2. С. 75–98.
37. Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс, под ред. М. С. Ковалева. М.: Аспект-Пресс, 1998. 270 с.

38. Подвойский Д. Г. Вызовы «текучей современности»: ответы Зигмунта Баумана // Человек. 2010. № 1. С. 66–78.
39. Полякова Н.Л. Методологические основания построения теории общества в социологии конца XX — начала XXI в.: отход от «Социологической ортодоксии» // Вестник Московского университета. 2011. № 4 (18). С. 76–93.
40. Руденко Н. Сети, знание и реальность: проблематика социальной топологии в концепции Джона Ло // Социология власти. 2012. № 6–7. С. 38–51.
41. Урри Д. Мобильности / Д. Урри. М.: Праксис. 2012. 576 с.
42. Урри Д. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / Д. Урри, пер. с англ. Д. Калечкина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 336 с.
43. Федотов Л. Н., Китаева О. Н. Новые категории социологии // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 1. С. 235–238.
44. Харман Г. Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и ДеЛанда (2007). // пер. с англ. А. Писарев, под ред. С. Гавриленко, А. Писарев. URL: https://vk.com/doc271784829_364999824?hash=13f6d21b3bd8f0f9a2&dl=9f17c0e445a1c94df1 (дата обращения: 01.05.2017).
45. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. // Гендерная теория и искусство: антология: 1970–2000. М.: РОССПЭН, 2005. С. 322–377.
46. Щекотин Е.В. Онтология «турбулентного социума»: понятия и принципы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 12. Ч. 4. С. 210–212.
47. «Какое прошлое нужно будущему России?»: аналитический отчет по социологическому исследованию / Ассоциация «Вольное историческое общество» по заказу Комитета гражданских инициатив / Г.Б. Юдин, Д.О. Хлевнюк, А.С. Максимова и др. Моск. 2017. URL: https://komitetgi.ru/service/Социология_финал.pdf (дата обращения: 01.05.2017).

48. Costas J. Problematizing Mobility: A Metaphor of Stickiness, Non-Places and the Kinetic Elite // Organization Studies. 2013. Vol 34. Issue 10. P. 1467–1485.
49. Latour B. Why Has Critique Run Out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern // Critical Inquiry. 2004. vol. 30. P. 225–248.
50. Mol A., Law J. Regions, Networks and Fluids: Anaemia and Social Topology // Social Studies of Science. 1994. vol. 24. №.4. P 641–671.
51. Sheller M. The new mobilities paradigm for a live sociology // Current Sociology. 2014. vol. 62. №6. P. 789–811.
52. Sheller M., Urry J. The new mobilities paradigm // Environment and Planning. 2006. vol. 38. P. 207–226.